

The illustration depicts a young woman with long, straight brown hair, wearing a blue and white striped t-shirt and denim overalls, standing in a room. She is smiling and has her hand near her chin. In the background, there is a wooden shelf with a teddy bear and a stack of colorful books. In the foreground, a young girl with long, wavy brown hair is wearing a headband with antlers and a fox mask. She has a black nose and is holding her index finger to her lips in a 'shh' gesture. The background behind her is a purple wall with a starry pattern. The overall scene is lit with warm, golden light, and there are bokeh effects at the bottom.

Коротаева
Ольга

Каникулы с чертёнком

ИДДК

Ольга Коротаяева
Каникулы с чертёнком

«ИДДК»

2019

Коротаева О. И.

Каникулы с чертёнком / О. И. Коротаева — «ИДДК», 2019

Перед защитой сгорела дипломная работа вместе с комнатой в общежитии. Пришлось согласиться на предложение ректора подменить няню для дочери его друга. Но стоило дверям богатого дома захлопнуться за моей спиной, как милое создание превратилось в чертёнка, а отец девочки в настоящего дьявола! Но самое ужасное, что мой первый босс, кажется, стал моей первой любовью. И кто кого будет воспитывать этот долгий месяц?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Коротаяева Ольга

Каникулы с чертенком

Глава 1

Я вошла в свою комнату и, рухнув в кресло, выдохнула. Выжила! Поверить не могу, но, кажется, я выиграла этот раунд у чертовки. Да, обойти ловушки было непросто, но я добралась сюда. Конечно, утром Анне Васильевне придется и макароны с лестницы убирать, и сушить мокрый ковер в холле, зато я сейчас сухая, и в моих волосах не торчат спагетти!

Осознав, что едва-едва избежала очередного позора, я посмотрела вверх и с удовольствием расхохоталась: не так-то ты и хитра, девочка! Могла бы привязать веревку, которая удерживала ведро с водой, за диваном, я бы не заметила ее да получила холодный душ. А кастрюля со спагетти на приоткрытой дверце? Это же классика жанра!

Ох уж эти дети богачей! Считают, что им позволено все. Полная безнаказанность! И, конечно же, Лев Сергеевич снова промолчит. Лишь посмотрит на дочь строго, а Маргарита распахнет свои голубые глазенки и, приняв личину милого ангелочка, плаксиво пожалуется, что злая няня наговаривает на невинное дитя, чтобы привлечь внимание ее великолепного отца. Ведь, как известно, в дом Лаврентьева молодые девушки приходят работать лишь для того, чтобы окрутить миллионера.

Я закрыла глаза и, скрипнув зубами, постаралась успокоиться. Меня точно прокляли! Права была Люська, а я не поверила подруге. А как еще могло случиться, что красавец-босс вдруг превратился в льдосердечное чудовище, а его милая дочурка обрела черты исчадия ада?! Ну ничего, я справлюсь! Не будь я Корнеева. Одолею все, что еще придумает голубоглазая чертовка, продержусь еще... Сколько там осталось?

Открыла глаза и посмотрела на календарь, что висел на стене. Фото «Ласточкиного гнезда» всегда придавало мне сил и напоминало о важной цели: окончить университет и устроиться детским психологом в реабилитационный лагерь Крыма. И никакие неприятности не остановят меня на пути к мечте! От месяца «небольшой подработки», которую навязал мне ректор, осталось всего... двадцать семь дней! С трудом сдержав приступ паники, я с усилием улыбнулась. Не смей поддаваться унынию! Если ты не сможешь справиться с собственными проблемами, как сумеешь помочь детям?

Итак, третий день моей работы закончен, можно побаловать себя душем и одной серией какой-нибудь комедийной жвачки. Вспомнив о личной ванной комнате, улыбнулась. Это просто космос! Как бы то ни было, дом Лаврентьевых невероятно комфортный. «Комната», которую отвели для меня, скорее напоминала номер в шикарнейшем отеле. Разделенная небольшими перегородками на три части: гостиную, спальню и ванную – она была эргономична и оснащена новейшими техническими приспособлениями.

Поэтому даже мысль о душе, где можно было настроить и массаж, и пенный поток, и даже воспользоваться цвето- и ароматерапией, расслабляла. А потом я плюхнулась на эту огромную кровать с удивительным матрасом, ночь на котором дарит глубокий сон, и утро встречу новым человеком с верой в себя и счастливое будущее!

Приняв решение, привстала... чтобы вновь упасть в кресло. Что такое? Ноги не держат? Попыталась подняться, но снова не смогла выбраться из кресла. Едва не застонала от бессилия: моя одежда накрепко прилипла к обивке, которую чертовка с невинным взглядом щедро намазала клеем!

Я услышала противный звук и заскрипела зубами: только этого не хватало! За три дня девочка сумела изучить привычки новой няни и тут же принялась играть на нервах. И это

Маргарите удавалось гораздо лучше, чем пиликать на чертовой скрипке, которая сейчас и зазвучала, окончательно выбивая меня из строя. Наверняка девчонка обманывает, что хочет стать великим музыкантом, а инструмент мучает лишь для того, чтобы выжить из дома очередную «охотницу за папиными деньгами».

Прижав ладони к ушам, я зарычала и рванулась так, что разодрала одежду, и, освободившись, резко поднялась. Остатки платья остались на кресле, а я, мечтая съездить в город и купить беруши, потопала в угол, где была ванная. Сделала шаг и неожиданно ощутила, как стопа заскользила. Ноги разъехались, и я, едва не сев на шпагат, взмахнула руками и машинально за что-то ухватилась.

Раздался звук, будто это «что-то» обломилось, а сверху на меня обрушилось белоснежное шипящее безумие. Оно нескончаемыми волнами заливало меня и все вокруг. Чертыхнувшись, я потерла лицо и посмотрела на свою руку: в ладони лежал кусок металла. Похоже, я сломала душ! Попыталась закрыть кран, но кнопки на нажатия не реагировали, и через несколько секунд пена заполнила полкомнаты. Ароматное мыло было везде, включая мой рот и глаза, которые уже слезились и страшно чесались.

Не вытерпев, я бросилась к выходу. Лев Сергеевич, как всегда, задерживался на работе, и я успею умыться в его комнате. Чтобы в одном белье, эротично прикрытом хлопьями пены, спуститься по лестнице и вымыться в комнате прислуги, я даже не думала. Я же не хочу свернуть себе шею? Возможно, именно этого добивается голубоглазое исчадие ада.

Пробираясь по коридору на ощупь, я жмурилась от зудящего мыла и твердила про себя: двадцать семь дней! Продержись еще двадцать семь чертовых дней! Под дикие звуки истязаемой скрипки распахнула дверь в комнату хозяина и, быстро сориентировавшись, направилась к перегородке. У меня за подобной была скрыта ванная, поэтому я надеялась, что и тут так же.

Протянула руки и, окунув их под прохладные струи, наконец умылась. Еще и еще раз сполоснула глаза и только затем удивилась, что вода уже включена. Ноги приросли к полу, по телу пробежались молнии, а спину сковал ледяной ужас. Хозяин уже дома? И он принимает душ! Отняв дрожащие руки от лица, подняла глаза и уставилась на спокойно наблюдающего за мной Льва Сергеевича. Не так. На абсолютно голого Льва Сергеевича!

Вода бежала по его широким плечам и могучей накачанной груди – не знала, что у босса такое красивое тело! – блестящими ручейками стекала по поджарому животу и, очерчивая узкие бедра, струилась по мощным ногам, чтобы сбегать в многочисленные отверстия поддона.

Я моргнула и, осознав, что только что медленно и пристально рассматривала мужчину с головы до ног, сглотнула и с неискренней улыбкой произнесла:

– Добрый вечер.

Лаврентьев приподнял темные брови и, окинув меня ироничным взглядом, уточнил:

– Добрый вечер – это приветствие или предложение?

– Что вы имеете в...? – опешила я и, вспомнив, что стою перед ним в мокром полупрозрачном белье и в ароматной пене, будто большое сладкое пирожное, поспешно замолчала. А что он еще мог подумать?

Босс шагнул ко мне, и я, отступив, поспешно проговорила:

– Это не то, о чем вы подумали!

Поскользнулась и, ощутив себя в мужских объятиях, зажмурилась и затараторила еще быстрее:

– У меня сломался душ, а пена сильно щипалась. Я только хотела умыться! Из-за проклятой скрипки не услышала, что вы дома.

Не дождавшись ответа, приоткрыла глаза и посмотрела на мужчину. Вниманием тут же завладели его правильные черты лица, блестящая загорелая кожа, привлекательный прищур стальных глаз. Заметив, как изогнулись в легкой улыбке приоткрытые губы босса, замерла от

ужаса. Как оправдаться? Я же не навязывалась, но со стороны все выглядит именно так. Что делать? Оттолкнуть? Убежать? Да, так и надо поступить. Немедленно! Но я продолжала стоять, пялиться на мужчину и слушать биение собственного одичавшего от ужаса и трепета сердца, бешеный стук которого, казалось, даже заглушил чудовищные звуки скрипки.

Снова посмотрела на приоткрытые губы Льва Сергеевича и нервно облизала свои. Босс, нависая надо мной, спросил:

– Вы всегда принимаете душ в белье?

– Ч-что? – икнула я и почему-то кивнула.

– Понятно, – спокойно проговорил он и холодно предложил: – Если не собираетесь меня соблазнять, тогда, может, отпустите?

Я растерянно посмотрела на свои пальцы, которые вцепились в мужские плечи. Когда я успела ухватиться за него? Выпрямилась и, отдернув руки, отступила от Лаврентьева. Босс потянулся ко мне, словно хотел по голове погладить, и я с трудом удержалась от ненормального желания слизнуть с кожи его предплечья капельку воды. Хорошо, что не сделала этого! Мужчина не собирался дарить мне ласку, он лишь взял полотенце, которое лежало в шкафу за моей спиной.

Пока Лаврентьев оборачивал бедра мягкой махровой тканью, я вдруг словно проснулась и, резко отвернувшись от мужчины, цапнула с полки второе полотенце. Обмоталась им и, не оборачиваясь, проговорила:

– Извините за вторжение. Моя комната полна пены, и я...

– Хотели бы остаться в моей? – саркастично хмыкнул Лаврентьев.

Я подавилась концом фразы и закашлялась, а босс, подхватив меня под локоток, потянул к двери.

– Любовь Алексеевна, – тоном, не терпящим возражения, проговорил он, – я предупреждал вас, что не потерплю ни прогулок по дому голышом, ни попыток пробраться ко мне в спальню.

– Да я и не собиралась! – едва сдерживая слезы от обиды, воскликнула я.

– Утром, перед тем как уйти, загляните в мой кабинет за жалованьем, – беспощадно произнес босс.

– Да послушайте же! – возмутилась я. – Минутку! Я и не думала соблазнять вас. Это Маргарита облила кресло клеем, и я...

– Так во всем виновата моя дочь? – резко остановился он, и от ледяного взгляда мне сделалось не по себе.

Я готова была себе язык откусить: ну почему не сумела сдержаться?! Мелкая проказница добилась своего, и моя репутация разбита на осколки, а я еще масла в огонь подливаю. Нужно немедленно что-то придумать, иначе меня выставят из этого дома, и все рухнет!

Я громко расхохоталась, чем озадачила босса. Держась за живот и ощущая себя на грани краха всей жизни, смеялась, как безумная, до слез. А что? Терять мне больше нечего! Так почему бы не попробовать? Лаврентьев, пристально глядя на меня, спокойно ждал. Я же, все еще посмеиваясь, хлопнула его по плечу, чем заслужила еще один изумленный взгляд, и заявила:

– Ну что вы! Ваша дочь нежный ангел! – Покачала головой и, уверенно глядя боссу в глаза, объяснила: – Мы с Марго увлеклись аппликацией и случайно пролили на кресло клей. Я приклеилась к обивке так крепко, что пришлось порвать платье. Хотела размочить клей, но сломался душ. Можете проверить, я правду говорю.

Взгляд Лаврентьева слегка изменился, и я едва сдержала облеченный вздох – битва за мечту о Крыме еще не выиграна, расслабляться рано. Подняла руки, будто показывая, что безоружна, я с безмятежной улыбкой добавила:

– А чтобы вы не решили, будто я заманиваю вас в постель, постою здесь, пока вы проверяете мои слова! – Босс нахмурился, и я скрипнула зубами: кажется, переборщила. Выставила его инфантильным. Торопливо добавила: – Понимаю, что раньше у вас были не очень приятные моменты с наемными нянями, именно потому Геннадий Степанович и попросил меня присмотреть за Марго. Вы же доверяете моему ректору? – Вгляделась пристально в лицо босса и сухо кивнула: – Со мной у вас проблем не будет, обещаю. – Снова рассмеялась и, дрожа от волнения, убедительно проговорила: – Вы мне даже не нравитесь. Честно! Вот, смотрите, я вас поцелую... – шагнула к мужчине и, приподнявшись на носки, быстро прикоснулась губами к его, тут же отпрянула и улыбнулась, – ...и ничего не почувствую!

Лаврентьев молча буравил меня стальным взглядом, но я заметила, как по его лицу пробежала легкая тень. Поверил? Убедила? Боже, пусть он поверит! Двадцать семь дней! Нужно продержаться всего двадцать семь чертовых дней!

– Мою дочь зовут Маргарита, – наконец проговорил он. – Прошу не коверкать ее имя.

– Хорошо, – с энтузиазмом согласилась я, понимая, что прощена и остаюсь в этом доме.

– Я посмотрю, что случилось, – кивнул босс. – Идите со мной или подождите в моей комнате. В коридоре сквозняк, а вы...

Он выразительно осмотрел меня, затем молча направился к моей комнате. Я последовала за боссом, не отрывая взгляда от обтянутого полотенцем упругого мужского зада. Теперь, когда угроза увольнения отступила, я едва держалась на ватных ногах. Я только что поцеловала Лаврентьева? Что это было? Минутное помешательство? Едва дыша, я любовалась, как перекачиваются упругие мышцы на спине босса, пока тот, присев на корточки в море пены, рассматривает отвалившуюся железку.

А поймав себя на желании, чтобы с босса соскользнуло полотенце, резко повернулась и, цапнув халат, бросилась из комнаты. Жуткая скрипка уже заткнулась, и дом погрузился в блаженную тишину. Дьяволенок, похоже, ожидал в комнате результата своих проделок. Я осторожно обошла рассыпанные макароны, которые будут красоваться тут до утра. Анна Васильевна ложилась рано, зато поднималась на рассвете, и когда домочадцы просыпались, их ждал вкусный завтрак на чистой кухне.

Открыв холодильник, взяла бутылку воды и, прислонившись к стене, крупными глотками осушила сразу половину, пытаясь осознать произошедшее и дрожа всем телом. Я поцеловала Лаврентьева! Я, которая никогда первой никого даже в щеку не чмокала. Поставила наполовину опустошенную бутылку на стол и посмотрела на трясущиеся пальцы. Какая разница, что побудило меня сделать это? Я его поцеловала, и мне понравилось, вот что пугает. Неужели я умудрилась влюбиться в босса?!

Прикрыла глаза и застонала: вот же влипла! Меня точно сглазили! Как еще объяснить жуткую ситуацию, в которую я угодила за три дня? Безумная ловушка судьбы, не иначе! Сначала непонятно как возникший в общаге пожар и обгоревший ноут, где хранились результаты моего полугодового труда. Раньше хранились. И что толку биться о стену, спрашивая себя, почему не дублировала файлы в «Облако» – защита на носу! А я без диплома, без жилья, без денег. Хоть вешайся!

Неудивительно, что предложение ректора поработать няней милой дочери богача в обмен на небольшую отсрочку и помощь в восстановлении дипломной работы я восприняла как спасение. Знала бы, что это была ловушка дьявола, никогда бы не переступила порог этого дома! Милая при Геннадии Степановиче, Маргарита наедине сразу предложила мне выметаться подобру-поздорову. И никакие уверения, что я не собираюсь красть у нее папу, девочку не убедили. А требования босса не ходить по дому в неглиже и не прокрадываться по ночам в его комнату пролили свет на упрямство девочки. Видимо, миллионеру постоянно не везло с нянями.

Мой ироничный вопрос о том, все ли предыдущие няни были молоды и симпатичны, Лев Сергеевич проигнорировал, а я лишь усмехнулась: видимо, деньгам все возрасты покорны! И была уверена, что я-то уж не поддамся обаянию богатства и власти. Меня никогда не привлекали «папики». Но увы, кажется, это случилось. И деньги тут ни при чем. Прикусив губу, я зажмурилась. Мне понравился этот мужчина.

– Вы с ума сошли?

От резкого окрика я подскочила и, схватившись за сердце, быстро повернулась к Лаврентьеву. Обвинила:

– Я испугалась! Зачем так подкрадываться?

– Вы простудитесь. Зачем пьете холодную воду? – в тон мне спросил он, подошел к столу и включил чайник.

На боссе, к моему искреннему огорчению, уже не было полотенца. Если бы не было и халата, то и огорчения бы не было. Я сжала кулаки и с трудом отвела взгляд от могучей спины Льва Сергеевича. Так, понятно, что я больна любовью. Признание зависимости – важный шаг. Второй – исцеление. Что может меня излечить? Нужно понять, что именно мне понравилось, что я считаю достоинствами, и зачеркнуть это недостатками. Увы, во внешности босса изъянов не было. Или мне так казалось.

– Пенообразователь я починил, – протянул мне горячую кружку мужчина, – но ночевать вам придется в другом месте.

– И где же вы предлагаете мне переночевать? – спросила я, прежде чем успела подумать. Выругалась про себя: прозвучало весьма двусмысленно. Ощущая, что краснею под пристальным взглядом Льва, я уткнулась в кружку и осторожно отхлебнула горячего сладкого напитка. Пробормотала: – Надеюсь, вы уже не думаете, что я все это подстроила?

– Я видел новую обивку кресла, – ухмыльнулся Лаврентьев. – Не думаю, что такое можно сделать специально.

Увидев его короткую, но яркую, будто луч света в пасмурный день, улыбку, я отвернулась так резко, что пролила чай. Зашипела и, поставив кружку, запрыгала по кухне.

– Стойте, – прижал меня к столу своим телом босс. Я тут же забыла о режущей боли, как и про то, что человеку свойственно дышать. Лев Сергеевич поймал мою руку и осторожно ее осмотрел. – Вы не няня, а тридцать три несчастья!

– Это уже тридцать четвертое, – завороченно прошептала я, глядя снизу вверх в потрясающие, будто отлитые из серебра, глаза мужчины. – Надо бы лед приложить.

– У меня есть предложение лучше, – вдруг произнес он и, притянув мою руку к губам, добавил с легкой хрипотцой в голосе: – Дочери это всегда помогает. Возможно, и с вами работает.

Босс подул на мои слегка покрасневшие пальцы и наклонился, словно собирался их поцеловать. Я выдернула руку, а он приподнял брови, будто в удивлении.

– Что такое? Бойтесь столь нестандартного лечения? Или опасаетесь чего-то еще? Я же вам совсем не нравлюсь.

А у меня в голове шумело и колени подгибались. Я будто со стороны услышала собственный голос и даже удивилась спокойствию тона:

– Предпочитаю проверенные методы. Помню, Анна Васильевна показывала, что аптечка хранится вот в том ящике. Не сможете достать?

Глава 2

Лаврентьев вернулся в свою комнату и, усевшись на кровати, соединил ладони. Сжимая руки, он смотрел на перегородку, что отделяла его от душа, и улыбался. Кто бы мог подумать? Девчонка оказалась крепким орешком. И если бы обстоятельства сложились иным образом, он заставил бы ее пожалеть о так необдуманно брошенных словах. Заявила, что не заинтересована в нем и поцеловала!

Лев снова усмехнулся, откинулся на спину и, заложив руки за голову, посмотрел в потолок. Даже под душем мысли о делах не отпускали его, но появилась она, словно Афродита, в пене с головы до ног! И в тонком кружевном белье. У него дыхание перехватило, как у мальчишки! Конечно, он разозлился. Да так сильно, что едва не выставил девчонку из дома в тот же миг. А когда няня заговорила о дочке, еще и раздражением накрыло.

Улыбка растаяла, в уголках губ залегли жесткие складки. Маргарита, конечно, опять за свое взялась, но вмешиваться Лев не собирался. Мужчина считал, что мастер своего дела должен справляться с профессиональными проблемами. А работа няни – наладить контакт с ребенком. Не справится эта, найдется другая.

Вспомнилось ехидное выражение, с каким Любовь Алексеевна спросила про возраст предыдущих нянь, которые пытались справиться с Маргаритой. Снова поднялось раздражение: а что, нужно было старух нанимать? Девушки должны быстрее находить общий язык с ребенком! Между ними небольшая разница в годах, помнят еще себя детьми.

Но эта девушка рассматривала его тело очень уж взрослым взглядом. При воспоминании об этом Лев рыкнул и перевернулся на живот. Зарылся лицом в подушку и закрыл глаза. Но сон не приходил. Поворочавшись, Лаврентьев вскочил и подошел к окну. Интересно, а что в нем так не понравилось няне? Снова некстати вспомнился ее изучающий взгляд. Хмыкнул: по мужской части у него все в порядке, вряд ли у нее возникли претензии.

Раздражение медленно возрастало, и Лев, накинув халат, уже решил пойти в кабинет – раз одолела бессонница, так хоть с пользой время провести, – но по пути завернул к спальне дочки, которая находилась на том же этаже. Осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Любовь Алексеевна, даже если не хотела ночевать с Маргаритой, не подала вида. Дочка же, казалось, обрадовалась такому соседству. Во всяком случае, расцвела улыбкой и весело помахала. Слишком приветливо. Захотелось проверить, что она ничего не натворила.

Прислушавшись к тишине, Лаврентьев скользнул взглядом по диванчику и свернувшемуся под пушистым одеялом телу на нем. Хорошо, что Любовь Алексеевна миниатюрная и уместилась там. Убедившись, что все тихо и девочки спят, Лев прикрыл дверь и направился к кабинету. Только сейчас, с момента, когда к нему в душ ввалилась взмыленная няня, он снова подумал о делах.

Сел за стол и, раскрыв ноутбук, оперся подбородком о тыльную сторону кисти. Павел предлагал поддаться давлению совета акционеров и распустить отдел маркетинга. Мол, это, конечно, снизит напряжение в офисе, но... Лаврентьев терпеть не мог, когда ему навязывают решение. Возможно, это упрямство, но в случаях, когда приходилось сталкиваться лбами с серьезным противником, он никогда не шел на компромисс. И тем более не сдавался! Верил, что всегда есть третий путь, и упорно искал его до тех пор, пока не находил. И это страшно злило его первого зама и одновременно самого близкого друга.

Лаврентьев вздохнул и, положив пальцы на клавиатуру, отправился в свободный серф по инету. Идеи всегда прятались там, где их меньше всего ожидаешь увидеть. Как, например, с нянями. Получив отказ в агентстве по найму, Лев даже сначала удивился безрассудной смелости директора, когда тот заявил, что молодых и приятных внешне, да еще с требуемым опытом нянь больше не осталось ни у него, ни у его коллег, и предложил обратиться в иное агентство.

Лев вспомнил ехидные слова студентки и покачал головой, догадавшись, что «иное» – в смысле в другой сфере услуг. И это натолкнуло на интересную мысль. Агентство предоставляло Лаврентьеву нянь согласно жесткому списку его требований, и Лев готов был платить работницам в месяц столько, сколько другие получали за год, лишь бы они проходили жесткий отбор. И все равно ни одна из девушек не продержалась дольше трех дней. Или сбегали, или сам выставлял. Сейчас, размышляя об этом, он посмотрел на ситуацию глазами той же Любви Алексеевны или руководителя агентства.

Возможно, Лаврентьева поняли не так, рассмотрев в его требованиях то, что Лев туда не вкладывал. Тогда становится понятным то, что девушки хозяйину дома уделяли внимания куда больше, чем ребенку. Лев постучал кончиками пальцев по поверхности стола и иронично хмыкнул. Так может, с маркетинговым отделом примерно то же самое?

То есть совет акционеров не получает то, что хочет от маркетингового отдела, потому что Лаврентьев ждет от своих людей работы, в первую очередь, на развитие предприятия, а не на увеличение дохода от акций. Не только ждет, но и получает!

На миг задумавшись, он быстро набрал сообщение, озадачив распоряжениями зама. В голове уже сложился план, завтра надо встретиться с адвокатом, чтобы выяснить возможность проверить такой же трюк, какой выкинул его хороший друг и ректор университета, где учится Любовь Алексеевна. Только не в кругу семьи, а в промышленных масштабах.

Мужчина потер веки и, зевнув, закрыл ноутбук. Раздражение испарилось, едва он принял решение, и спать захотелось зверски. Лаврентьев вышел из кабинета и, услышав странный звук, обернулся на детскую. Нахмурившись, медленно приблизился, осторожно открыл дверь и вздрогнул. Посреди комнаты висело нечто белое и, развеваясь, издавало тот самый странный звук, который привлек внимание хозяина дома.

Вот же неугомонная! Снова над няней измывается? И как придумала сделать так, что даже отца почти напугала «привидением»? Простыня на игрушке? Или крючок в потолке? Лаврентьев посмотрел на свернувшееся под одеялом тело и покачал головой: надо предупредить бедствие. А то няня проснется, весь дом криком разбудит, дочку истерикой напугает. Плавали – знаем!

Лев шагнул в комнату, тихо подошел к дивану и, ухватив белую развевающуюся ткань, осторожно потянул на себя. Тут «привидение» развернулось и, вытаращив на хозяина дома круглые от изумления глаза, с испуганным писком упало на руки Лаврентьеву. Мужчина инстинктивно сбросил тело на пол и машинально отступил. А под его ногами, поглядывая на босса и потирая, видимо, ушибленное мягкое место, лежала новая няня. Что она творит?

– Вы с ума сошли?! – прошипел Лаврентьев. – А если бы Маргарита проснулась и, увидев вас, перепугалась?

– Если кого в этом доме и стоит бояться, – тихо проворчала девушка, – то точно не меня!

– Что вы там делали? – Лев посмотрел на стремянку, которую под длинной ночной сорочкой няни не было видно. – И что за звук?

– С лампочкой что-то не так, – так же шепотом ответила Люба. – Она трещит и искрится. Я пыталась заснуть, но не смогла, боялась, что будет пожар. Решила выкрутить, а тут кто-то за подол потянул. Перепугалась до смерти!

– Я настолько страшен? – невольно улыбнулся хозяин дома и тут же нахмурился. – Не я только что весьма талантливо изображал привидение.

– Почему вы не спите? – с легкой обидой спросила няня.

– Работал, – спокойно ответил Лев и, обернувшись, посмотрел на дочку. Маргарита мирно сопела в своей кровати. Склонился и потрогал одеяло, свернутое на диванчике так, что и сейчас казалось: там под ним кто-то лежит. Покачал головой и, глянув вверх, приказал: – Подержите!

Он осторожно залез по ступенькам качающейся стремянки и, пытаясь выкрутить сверкающую и шипящую лампу, ощутил неуверенные прикосновения женских рук к своим щиколоткам. Шепнул:

– Если вы будете держать *меня*, я точно упаду!

– Сами просили подержать, – посмотрела она снизу вверх, и у Лаврентьева дыхание на миг перехватило от открывшегося вида на декольте. – Откуда я знаю, как нужно? Я детский психолог, а не строитель.

– Строитель из вас пока лучше, – с трудом отвел глаза Лев. Рыкнул: – Держите не меня, а стремянку!

– Так бы сразу и сказали, – проворчала няня.

Тут лампочка двинулась под пальцами, начала откручиваться, но что-то сверкнуло, хлопнуло, и руку мужчины на миг обожгло. Чертыхнувшись, он покачнулся и, не удержавшись, упал на диван. Под ним раздался стон придавленной няни, а на спину еще и упала железная стремянка.

– Твою ж... жимолость да на варенье, – прошипел Лаврентьев.

Под ним снова пискнуло и затихло. Лев осторожно, стараясь шумом не разбудить ребенка, отодвинул железную лесенку и приподнялся с дивана. Нависая над слегка помятой и растрепанной няней, замер на секунду. Сердце забилось чаще, в горле пересохло. Он с трудом прохрипел:

– И где вы только откопали эту горе-стремянку?

Получил в ответ благодарный взгляд исподлобья да шепот, неуловимо похожий на проклятие:

– У вас всегда виновата стремянка или тот, кто ее держит? Вы как ребенок, который от злости пинает камень, о который по собственной рассеянности споткнулся!

Лаврентьев невольно усмехнулся: ребенком его обозвала! И вдруг захотелось прижаться к приоткрытым, будто от удивления, пухлым губам и наказать девочку за дерзость. Лежит под ним, с разметавшимися волосами и в съехавшей с худенького плечика ночнушке – словно призыв к действию! Мужчина нахмурился и, резко поднявшись, схватил няню за тонкое запястье, потянул, помогая встать, и отвернулся, чтобы не видеть.

Кровь бросилась в голову, злость забурлила в его венах: как мальчишка едва не накинуся на молодую няню! На студентку друга, который помог в трудной ситуации. Совсем спятил? Видимо, долгое воздержание дает о себе знать.

Он холодно проговорил:

– Унесу это и попиною в другом месте.

И, подхватив скрипящую стремянку, направился к выходу. Няня побежала следом, обогнала и распахнула дверь, а после осторожно прикрыла из коридора.

– Я помогу, – заявила она.

Лаврентьев обернулся и иронично уточнил:

– Пинать стремянку?

Люба шагнула к нему и, взяв за руку, в которой он держал выкрученную лампочку, подняла ее на уровень его глаз. Мужчина удивленно моргнул: пальцы были красными от крови.

– Помогу обработать рану, – ровным голосом пояснила девушка.

– Только обещайте, что не будете падать в обморок, – криво ухмыльнулся Лев.

– Падения – это ваша специализация, – уколола в ответ няня.

– Кто-то забыл, как рухнул в мои объятия? – саркастично приподнял брови Лаврентьев.

– Напомнить, как вы меня сдернули со стремянки, а потом скинули на пол? – парировала эта язва. – А еще меня обозвали тридцатью несчастьями! – Вздохнула и забрала у него стремянку. Прислонив лестницу к стене, взяла босса за руку и потащила в сторону кухни. – Ладно, идемте уже, пока кровью не истекли.

Там хозяин дома, сидя на табурете, внимательно наблюдал за девушкой. Люба, уложив его руку на разделочный стол, склонилась над раскрытой ладонью и, забавно хмуря тонкие брови, аккуратно пинцетом вынимала врезавшиеся в кожу прозрачные осколки.

– Повезло, что лампочка лишь треснула, а не взорвалась в ваших руках, – проворчала няня, – иначе пришлось бы ехать в больницу. – Она промокнула кровь зашипевшим перекисью тампоном. – Вот и все! Осталось заклеить пластырем.

– Неужели ограничитесь лишь традиционной медициной? – вырвалось у Лаврентьева.

Люба непонимающе моргнула, а потом иронично улыбнулась:

– Подуть? Вы уверены, что наняли меня для дочери, а не для себя?

И, склонившись над его ладонью, вытянула губы. Кожи Льва коснулся теплый воздух. Мужчина посмотрел на девушку и, сжав челюсти, вырвал руку. Сам наклеил пластырь, одним движением смел осколки и мусор в корзину и быстро направился к выходу.

– Уверен, – сурово произнес он. – Спокойной ночи.

Глава 3

Я проворочалась полночи, вспоминая то, как босс прижимал меня к столу, как смотрел со стремянки, но не в глаза, а в декольте, отчего так и подмывало спихнуть его с «пьедестала». Я настолько возмутилась наглому взгляду, что не удержалась. Не столкнула, разумеется, но на миг руки отпустила. Знай я, что босс всей своей немаленькой массой навалится на меня, держала бы дрожащую лестницу до победного!

Это был ужасный день! Один из тех кошмарных, которые валяются на меня, будто из рога изобилия. Может, сдаться и сходить с Люськой к той бабушке, про которую подруга все уши прожужжала? Нет же! Не бывает проклятий, сглазов и прочей лабуды! Есть в жизни темные и светлые полосы. У всех они есть! Вот только моя черная что-то затянулась. События одного только этого дня вызывали румянец на щеках и не давали спать. Когда наконец я уснула, мне снилось крепкое обнаженное мужское тело, по которому струилась вода...

Проснувшись, я вскочила и, дико озираясь, пыталась понять, где нахожусь и что происходит. Через секунду вспомнила, почему сплю в детской, а не в своей запененной комнате, вздохнула с облегчением и, оглядевшись, поняла, что маленькой проказницы в спальне уже нет. Впрочем, это не значит, что можно расслабиться. Я была готова к пакостям с самого утра. Осторожно посмотрела на пол, прежде чем встать с дивана, убрала одеяло и подушку в шкаф. Глядя под ноги, подхватила шорты с майкой и зашла за перегородку. Ни жидкого мыла на полу, ни измазанного кремом для обуви полотенца не обнаружила.

Насторожилась еще больше: не заболела ли Марго? Не похоже на нее. Беспокойство нарастало быстро. Стремительно переодевшись, я выскочила из детской и понеслась на поиски подопечной. Маргарита обнаружилась на кухне. Девочка спокойно сидела за накрытым столом и с удовольствием уплетала горячие пирожки. Я облегченно выдохнула и, улыбнувшись, поздоровалась:

– Доброе утро!

Анна Васильевна, колдующая над плитой, обернулась и, неожиданно вздрогнув, выронила сковородку. В стороны полетели брызги масла, задорно поскакали по кафелю пирожки.

– Бог ты мой! – Под грохот посуды женщина прижала руки к груди. Странно посмотрела на меня. – Напугала!

Покачала головой и покосилась на Маргариту с неммым укором, но девочка как ни в чем не бывало уплетала пирожки. На меня не смотрела, но я видела, как искрятся весельем глазенки девочки. Вот чертенок! Что она сотворила? Сердце дрогнуло, я схватилась за волосы и облегченно выдохнула: прическа неизменна, уже хорошо.

– Доброе утро, – вошел на кухню Лаврентьев, и я поспешно опустила голову, скрываясь волосами: раз с прической все в порядке, значит, что-то не так с лицом.

– Доброе, – ворчливо отозвалась Анна Васильевна, не отрываясь от уборки.

– Папа! – радостно бросилась к отцу Марго.

– Я завтракать не буду, – обнимая дочь, проговорил Лаврентьев.

– Кто бы сомневался, – не меняя тона, пробурчала Анна. Поднялась и, вывалив в мойку сковороду и испорченные пирожки, посмотрела на босса. – Выглядите хуже Любы! Вон какие тени под глазами. Всю ночь работали? Не бережете себя.

– А что с Любовью Алексеевной? – заинтересовался мужчина и, принимая из рук дочери пирожок, повернулся ко мне.

Я сжалась, не желая поднимать голову и показываться боссу. Вот точно ничего хорошего мне подопечная не сделала. И в тот же миг одернула себя: а почему я должна прятаться? В чем моя вина, чтобы скрываться? Да, я няня, и, возможно, мне пока не особо удается моя работа,

но он-то отец! И не должен спускать дочери с рук выходки, хоть и привык это делать. Для начала – пусть увидит, что творит его ненаглядная Маргарита.

Я выпрямилась, цапнула со стола угощение, спокойно откусила и, жуя, повернулась к Лаврентьеву. Тот, глянув на меня, подавился и, закашлявшись, посмотрел на дочь. Маргарита, откровенно улыбаясь, переводила взгляд с отца на меня, явно наслаждаясь и своим художеством, и реакцией мужчины. Лев Сергеевич, с трудом откашлявшись, положил недоеденный пирожок на тарелку и прохрипел:

– Замечательный макиаж, Любовь Алексеевна! Индейцы бы позавидовали вашему «луку».

– Оставим индейцев в их вигвамах, – спокойно произнесла я и шагнула к Лаврентьеву. – Меня больше интересует, как вы сейчас поступите.

– Как поступлю? – взгляд босса стал колючим, в тоне появилась ирония. – Мне научить вас умываться по утрам?

– С этим сама справлюсь, – бесстрастно парировала я. – А вам для начала стоит попробовать донести до ребенка, что разрисовывать лица гостей без их согласия неправильно.

– Я плачу *вам* за воспитание ребенка, – помрачнел хозяин дома.

– Не за воспитание, – я сделала еще шаг и, сжав кулаки, смело посмотрела на него снизу вверх, – а за организацию досуга и помощь в познании окружающего мира. А воспитывают детей только их родители, причем исключительно собственным примером. И ни за какие деньги вам не удастся купить это. Рано или поздно вам придется обратить внимание на девочку и стать ей отцом.

– А я ей кто, – прорычал Лаврентьев, – мама?!

– Тот, кто покупает живые игрушки, чтобы не заниматься ребенком самому, – не отступала я, хотя от выражения, которое появилось на лице мужчины, хотелось убежать и запереться в подвале. – Маргарита изо всех сил пытается обратить на себя внимание отца, но он лишь выбрасывает сломанную куклу и нанимает новую. До каких пор это будет продолжаться?

– А это не вам решать, – холодно проговорил Лаврентьев. – Вы здесь всего на месяц. И, если не хотите вылететь раньше, занимайтесь своим делом и не лезьте туда, куда не положено.

– Ого, – улыбнулась я. – Не лезть куда не положено? Решили поиграть в Синюю Бороду?

Ясно, что Лаврентьев не собирается вмешиваться, поэтому я решила, что, если хочу выжить в этом доме и не подвести ректора, с этого момента изменю все сама! Воспитание дочери стоит начать с перевоспитания ее отца.

– Кстати, я оценила вашу шутку про индейцев и лук, – лукаво проговорила я и, взяв с полочки забытые Маргаритой фломастеры, снова посмотрела на босса. – Но вы упустили из виду, что там, где есть лук, есть и стрелы!

И одним движением освободила фломастер от колпачка да несколько раз мазнула Лаврентьева по тщательно выбритому подбородку, оставив на коже синие полосы. Лицо босса удивленно вытянулось, а я хмыкнула:

– Ну как, приятно ощутить себя на моем месте? Я индеец, а у вас – синяя борода!

– Упс, – услышала я веселый голосок Маргариты. – Фломастеры-то несмываемые.

В кухне на минуту установилась такая тишина, что стал слышен скрип зубов мужчины. Мне даже показалось, что он похож на тиканье бомбы замедленного действия.

– Несмываемые? – с обманчивым спокойствием уточнил босс и наградил меня таким взглядом, что захотелось провалиться сквозь пол прямиком в подвал и прикинуться там столбиком.

Но я не могла позволить себе сбежать. Я же психолог! Пусть и без корочек. Все равно обязана разрулить любую ситуацию, объяснить людям, в чем их ошибки и как их решить. Покосилась на белое от ярости лицо Лаврентьева, оттенок которого так хорошо гармонировал с синим фломастером. Боюсь, в этот момент из босса не выйдет благодарного слушателя.

– У меня встреча с акционерами через сорок минут, – наседая на меня, прошипел Лев Сергеевич. – Делайте что хотите, но если через три минуты ваше художество все еще будет у меня на лице, то я...

– Уволите меня? – обреченно спросила я.

И горько вздохнула: что же, это было предсказуемо. Не сегодня, так завтра. Я и сама понимала, что у меня не хватит ни знаний, ни опыта, чтобы задержаться там, где сдались профессионалы. Выходит, прощай море, дети и «Ласточкино гнездо»? Нет, рано паниковать! Надо позвонить Толику. Может, друг порадует меня хорошими новостями? Вдруг удастся спасти хоть часть диплома, и я успею подготовиться к защите? Если ректор не станет «топить» за то, что не выполнила его просьбу.

И одно, и второе, и третье было из части фантастики, но все же хоть какой-то надеждой. А вот в злом прищуре Лаврентьева я уже не видела ни единого шанса на благополучный исход.

– Ну уж нет, – прошипел босс, продолжая надвигаться на меня, – вы так легко не отдаетесь!

– Не надо, – испуганно отступила я. – При ребенке не смейте... Вы же отец!

– Вы о чем? – застыв камнем, нахмурился Лев Сергеевич и нервно скривился. – Вы что придумали?! Я не трогаю женщин!

– Тогда что вы хотите? – хорохорясь, уточнила я, но голос предательски дрожал.

– Вы поедете со мной! – хищно ухмыльнулся мужчина. – Все будут смотреть на вас, и пару черточек на моем лице никто не заметит!

– Ура! – вскочила с места Маргарита и запрыгала вокруг нас с криками: – Папа берет нас на работу! Ура!

Я сглотнула подкативший к горлу ком – вот ни разу не «ура»! – и вдруг вспомнила, как именно стерла с компьютерного диска запись перманентным фломастером. Схватила Лаврентьева за руку и потащила за собой.

– Скорее!

От выделенных трех минут остались две, а мне очень не хотелось служить у босса еще и клоуном. В своей комнате быстро осмотрелась и, усадив работодателя на стул, вытянула ящик из шкафа и вывалила содержимое на все еще мокрую после пенной атаки кровать. Отыскав пластиковый пузырек, щедро намочила жидкостью из него ватный диск.

– Что это? – отшатнулся босс. – Жуткий запах!

– Средство для снятия лака для ногтей, – объяснила я.

– Вы издеваетесь? – Мужчина резко поднялся. – Я опаздываю на важное совещание, а вы решили ноготками заняться?

Я толкнула ладонью его в могучую грудь, принуждая снова сесть.

– Начальство не опаздывает, а задерживается. – Склонилась и, посмотрев с улыбкой в его глаза, попросила: – Доверьтесь мне.

– Довериться Чингачгуку с огненной водой в руках? – съязвил босс и покачал головой. – Я не самоубийца!

Я же, молча обхватив его крепкую шею одной рукой, нетерпеливо начала тереть синий подбородок смоченным в жидкости ватным диском. Следы фломастера медленно растворялись, и я улыбнулась:

– Что и требовалось доказать! – Рассматривая гладкую кожу мужчины, приблизила свое лицо к его. – Почти ничего не видно.

И тут наши взгляды встретились. От серебристых искорок, пляшущих в серых омутах глаз Лаврентьева, у меня перехватило дыхание. Сердце забило быстрее от понимания, что я и этот красивый одинокий мужчина сейчас в комнате одни. И пусть я сказала, что он мне совсем не нравится, может все же...

– Должен сказать, – низким хриловатым голосом прервал затянувшуюся паузу Лев Сергеевич, – что вы... – Он замер на мгновение и тихо рассмеялся: – Выглядите просто ужасно! А пахнете еще хуже. – Резко поднялся и, дотронувшись до щек, скривился: – А теперь и я. – Глянул на часы, стоимость которых была равна автомобилю. – Опаздываю.

– Папа! – влетела в комнату Маргарита. Она покружилась перед нами в желтом кружевном платье. – Я красивая?

– Красивая, – снисходительно улыбнулся Лаврентьев.

– Тогда поехали скорее. – Девочка потянула его за руку.

– Нет, Маргарита, мне некогда с вами возиться, – осадил он дочь и тут же сменил тон: – Няня организует тебе досуг. – Посмотрел на меня и саркастично усмехнулся: – Это же ваша работа? Прогуляйтесь по магазинам. – Вынул портмоне и, вытащив пластиковую карточку, протянул мне. – Купите и себе что-нибудь, Любовь Алексеевна. Конечно, образы индейца и привидения весьма забавны и расширяют кругозор ребенка, но не забывайте, что не только отец должен подавать достойный пример, но и няня. Рано или поздно вам придется стать взрослее.

И, развернувшись, он быстро покинул комнату. Маргарита побежала за отцом. Я же посмотрела на карточку в своих пальцах и покачала головой: а босс у меня мстительный. И еще неизвестно, кто кого перевоспитывает. Подняла глаза и, столкнувшись с собственным отражением, испуганно выронила кредитку. А у девочки явно есть художественные задатки! Уныло покосилась на бутылочку с жидкостью для снятия лака: боюсь, этого не хватит, чтобы убрать с лица картину а-ля Пикассо.

Глава 4

– Что это у тебя? – кивнул Пашка, указывая взглядом на лицо Лаврентьева. – Дочка постаралась?

– Не поверишь, – усмехнулся Лев и потер подбородок.

Видимо, няня не до конца оттерла следы фломастера. Или он убежал раньше, чем она закончила. Но оставаться на месте он не смог. Да и кто бы удержался? Смотрит на его лицо, глаза голубые, бездонные. Ротик розовый приоткрыт от усердия, и так близко, что стоит чуть податься вперед, и касаться его губ будет не ее легкое дыхание, а нежная кожа. Разукрашенная несмываемыми фломастерами Маргариты.

Мужчина с силой захлопнул папку и сурово посмотрел на зама.

– Ты издеваешься? – рыкнул он. – И это все твои предложения? Я вчера четко написал, что от тебя требуется. Будешь лениться – подумаю о замене.

– Ага, конечно, – нагло усмехнулся Пашка. – Интересно посмотреть на кастинг. – Взглянул на Лаврентьева и приподнял брови. – Кто еще тебя выдержит больше суток, дружище?

– Нет, ты точно нарываешься на увольнение, – рассмеялся Лаврентьев, но тут же вздохнул. – Паш, соберись. Я только что с трудом выдержал битву, но это лишь первая волна. Акционеры рвут и мечут.

– Я их понимаю, – ухмыльнулся Павел. – Наверняка все уже придумали, куда лишний миллиончик потратить, а тут Лаврентьев вильнул хвостом и решил забраться еще выше. За счет их процентов. Многие ощутили себя обманутыми.

– Мое решение верное, – мрачно проговорил Лев. – Через пару лет прибыли возрастут.

– Не сомневаюсь, – дружески хлопнул его по плечу Паша. – Но кому-то совсем не улыбается ждать эти два года.

А Лев почему-то вспомнил, как вчера няня так же хлопнула его по плечу, и мягко улыбнулся. Оригинальная девушка! Павел тут же насторожился:

– Не нравится мне твой похотливый взгляд. А ну рассказывай, что придумал. Чую, реструктуризацией дело не ограничится.

– Какой-какой взгляд? – угрожающе переспросил Лаврентьев.

– Прости за резкое слово, – обезоруживающе улыбнулся друг. – Но оно короткое, емкое и дает понять, что ты не сдашься. Сразу видно, что ты заметил цель и решил во что бы то ни стало ее добиться. Еще и про битвы заговорил. Колись, что задумал! Перекупишь акции и проведешь чистку рядов? Или замахнулся на слияние, чтобы оставить акционеров с носом?

Но Лев думал не о корпорации. Он смотрел на друга и размышлял о его словах. Павел, конечно, балабол, но у него есть замечательное свойство – чуйка. Совершенно магическим образом он улавливал подводные течения, видел истинные намерения людей, что не раз помогало в бизнесе. Потому Лаврентьев и терпел его непростой характер, хоть и грозился уволить зама по пять раз на дню.

И сейчас он надеялся, что Павел увидел в плане потенциал. Значит, все получится, и идея проверить небольшую аферу с маркетинговым отделом выльется в большие перемены для корпорации. Положительные перемены. Да, именно так. Больше всего Лаврентьева занимала проблема маркетингового отдела, а вовсе не разукрашенное лицо няни.

Но он все равно улавливал черты девушки в линиях проекта, который принес на утверждение проектировщик, да и духи главного бухгалтера чем-то напомнили те, которыми пользовалась Люба. Подписывая документы, мужчина строго проговорил:

– Смените парфюм, Анастасия Витальевна. Вам уже не двадцать лет, чтобы пользоваться масс-маркетом.

– Это же «Гуччи», Лев Сергеевич, – обиделась женщина и пригладила на внушительной груди вишневого оттенка пиджак. – Под костюм этого же бренда.

– Значит, на вас звучит дешево, – холодно ответил босс.

– Хорошо, я их сегодня же выброшу, – жалко улыбнулась Анастасия Витальевна и, часто заморгав, забрала папку с подписанными документами.

Она выскочила из кабинета, едва не сбив входящего Павла. Зам растерянно оглянулся и иронично произнес:

– Главбухша вылетает из офиса босса в слезах? Классика! – Подошел к столу и протянул телефон. – Тут тебя спрашивают.

– Кто? – не отвлекаясь от сводок, уточнил Лаврентьев.

– Говорит, няня твоя, – ухмыльнулся друг и подмигнул: – Не знал, что это теперь так называется, малыш.

– Няня Маргариты, идиот, – рыкнул Лев и взял телефон. – А почему она звонит тебе?

– Спроси сам, – пожал плечами зам. – Давай доделаю пока.

Босс поднялся, а Павел уселся на его место и продолжил просматривать сводки. Лев, наблюдая за тем, как друг делает пометки, прижал сотовый к уху:

– Лаврентьев.

– Лев Сергеевич, – голос няни прозвучал взволнованно, – извините, что звоню на номер вашего заместителя, но ваш телефон не отвечает.

Мужчина обошел стол и поднял свой сотовый. Так и есть: после совещания забыл включить звук. Заметив десять пропущенных звонков, нахмурился. Какая настойчивость! Проговорил нетерпеливо:

– Любовь Алексеевна, давайте все вопросы решать дома. Что бы ни натворила Маргарита, разбирайтесь сами. Не отвлекайте меня по пустякам.

– А если пропала ваша дочь, это тоже пустяк? – с трудом сдерживая дрожь в голосе, уточнила девушка.

– Что?! – взревел Лев, желая придушить няню. Ладони вспотели, казалось, воздуха стало мало. Рванув узел галстука, он спросил: – Как?

Выслушав сбивчивый рассказ, приказал оставаться на месте и глянул на Павла. Тот тут же прикрылся одной из папок.

– Ты в курсе, что в наше время не принято убивать гонца, принесшего плохую весть? – ехидно спросил зам, но тут же улыбка сползла с его лица. Павел сухо уточнил: – Что случилось?

– Эта... – Лаврентьев едва сдержался, чтобы не нарушить собственное правило не выражаться на работе. Грозно прорычал: – Моя новая няня умудрилась потерять Маргариту!

– Я с тобой, – тут же вскочил Павел.

– Зачем? – остановился у двери Лев.

– Хотя бы для того, чтобы спасти тебя от тюрьмы, а несчастную няню от безвременной кончины, – усмехнулся друг.

Пашка утянул Лаврентьева к своей машине, уговаривая, что так будет быстрее.

– Быстрее, да, – мрачно подтвердил босс, – на тот свет. Мне, знаешь ли, нет резона с этим спешить. У меня дочь!

– Которая пропала, – ввернул Пашка и усадил его на переднее сидение своего спорткара. – И черный плащ... то есть черный порш спешит на помощь!

– Позер, – невесело хмыкнул Лев и набрал няню. – Нашли?

Любовь Алексеевна лишь фыркнула и отключилась. Лаврентьев посмотрел на телефон так, словно тот превратился в жабу, потом в принцессу, снова в жабу и, квакая, усакал в закат.

– Что?! – взревел он и нажал на повтор вызова, но няня не отвечала.

– Похоже, я не зря поехал, – косясь на друга, ухмыльнулся Павел. – Сейчас прольется чья-то кровь!

– Ты все шутишь?! – тихо, но с угрозой спросил Лев и придавил зама тяжелым взглядом. – У меня дочь пропала! А эта...

Сжал челюсти и шумно выдохнул. Снова попытался связаться с няней, но в трубке лишь раздавались длинные гудки. Лаврентьев стукнул кулаком по панели, и Паша воскликнул:

– Моя «Карина» не виновата, что у тебя проблемы, друг! – поддел Павел: – А ведь до сих пор ты не был замечен в жестоком обращении с женщинами. Я в предвкушении!

– Твоя «Карина» не женщина, а машина, – буркнул Лаврентьев.

– Да я о несчастной нянечке, – вырulingая на трассу, улынулся Паша. – Интересно, задушишь ты ее, словно безумный Отелло, или закусаешь, как Дракула?

– Я тебя сейчас покусаю, – нахмурился Лев, – если не перестанешь нести чепуху. За дорогой следи, юморист.

Он вдруг понял, что друг пытается его поддержать: криво и в своей раздражающей манере, но хотя бы в благодарность за попытку не стоит его убивать. А руки чесались кого-нибудь задушить. Мысли метались, решения зрели одно чуднее другого. То хотелось немедленно вызвать полицию да позвонить знакомому полковнику, чтобы задействовать ОМОН, то вытащить с экзамена Генку, чтобы сам прибил эту горе-няню, то заплатить пару миллионов, чтобы по всем каналам крутили фотографию Маргариты с просьбой вернуть за вознаграждение.

Но мужчина понимал, что рано. Сначала нужно точно узнать, что произошло, а потом уже поднимать на уши весь город. Маргарита могла нарочно прятаться от няни в ближайшем кафе и играть в телефон...

– Я идиот! – хватаясь за сотовый, вскрикнул Лаврентьев.

– Как самокритично, – ухмыльнулся Павел и, покосившись на телефон, добавил серьезно: – Не стоит корить себя, друг. У каждого есть кнопка, которая выключает мозг. Только, в отличие от нормальных мужчин, у тебя она находится не ниже пояса, а в районе сердца.

Но дочка на звонок тоже не отзывалась. Устав слушать длинные гудки, Лаврентьев сунул сотовый в карман и сцепил пальцы. Волосы развевал ветер, пахло бензином и разгоряченным асфальтом, и это безумно раздражало. Конечно, можно попросить Павла поднять крышу, но Лев не желал отвлекать водителя ни на мгновение. В другое время он бы выговорил другу за безрассудную гонку, но сегодня готов был вытерпеть и больше.

Наконец «порше» мягко притормозил у огромного торгового центра. Лаврентьев выскочил из машины и молча бросился к входу. На бегу он снова вынул смартфон и попытался связаться с няней. Молчание. Остановившись посреди зала и игнорируя призывные взгляды праздно проводящих время женщин, Лаврентьев задумался, куда мог пойти ребенок.

Логичнее всего было предположить, что, заблудившись, девочка попросит о помощи охранника. Подошел к человеку в синей форме и отрывисто проговорил:

– Я потерял дочь. Как положено поступать в таких случаях?

Мужчина средних лет с заметным животиком и усталым взглядом осмотрел его с головы до ног и только потом неохотно ответил:

– Обратиться в администрацию. По общей связи дадут описание ребенка, будем искать. И еще, разумеется, объявление. А вы уже обращались в комнату матери и ребенка?

– Нет у ребенка матери, – нервно рыкнул Лаврентьев, и взгляд мужчины из осуждающего стал сочувствующим.

– Все равно начните с этой комнаты, – посоветовал он и указал, куда идти. – Если кто-то нашел ребенка, первым делом отведет туда.

Лаврентьев, поблагодарив охранника, побежал в указанном направлении. Думая о том, что няня, скорее всего, уже проверила и комнату, и в администрацию обращалась, снова набрал

на ходу ее номер. Но в ответ лишь длинные гудки. Тяжело дыша, он влетел в помещение и застыл как вкопанный.

В небольшой душной комнате с двумя горками, домиком и одним столиком (кажется, он называется пеленальным) набилось детей столько, что от гвалта не было слышно ни телевизора, ни женщины, которая пыталась руководить этим безумием. Лаврентьев несколько минут разглядывал носящихся и орущих детей, силясь разглядеть своего ребенка, но бросил это безуспешное занятие. Привлечь внимание наседки с тонким визгливым голосом и полным отсутствием послушания со стороны детей тоже удалось не с первого раза.

Когда женщина, выслушав описание Маргариты, покачала головой, Лаврентьев выскочил из комнаты и вздохнул с облегчением. Казалось, за спиной закрылась дверь в ад. Но его личный ад еще не закончился. Теперь на очереди администрация. Однако дойти Лев не успел. По громкой связи ироничный женский голос объявил:

– Потерялся папа Маргариты Лаврентьевой. Если вы видели сероглазого мужчину в костюме от «Булгари», просьба привести его к фонтану посередине зала первого этажа.

Глава 5

О, это был настоящий ад! Маленькая проказница вымотала меня так, что через три часа, проведенные в забеге по бутикам огромного торгового центра, одно название которого намекало на пятизначные числа, я едва волочила ноги. В глазах рябило от красок, руки оттягивали пакеты с покупками. Зачем маленькой девочке столько нарядов и игрушек? Уверена, что в ее шкафу и так десяток платьев, которые она никогда не надевала, да и не наденет, потому что уже выросла из них.

Но мне сунули карточку в зубы и дали задание развлечь ребенка. Видимо, девочка привыкла развлекаться именно так, скупая все подряд. Не это ли называется шопоголизмом? А что он означает? То, что Маргарита пытается заполнить пустоту в сердце. Купить счастье. Я встала как вкопанная и, бросив пакеты на пол, заявила:

– Ну все, довольно!

Девочка, которая уже собиралась завернуть в очередной бутик с сумасшедшими суммами на ценниках, застыла. Медленно обернулась и, недобро поглядывая на меня, криво ухмыльнулась:

– Тебе уже надоела эта работа?

Я жала челюсти, чтобы не сказать правду: ох как надоела! Ты себе и не представляешь, мелкая. Каждый день как на поле боя. Но у меня нет выбора, необходимо продержаться еще двадцать шесть дней. И капитуляции ты от меня не дождешься, даже если все оставшееся время я буду получать ежедневный душ из спагетти.

Я усадила подопечную на одну из скамеек и, строго глядя в глаза, спросила:

– Что ты хочешь?

– Чтобы ты исчезла, – честно ответила Маргарита.

– Марго, пойми, – вздохнула я и улыбнулась, – что, избавившись в очередной раз от очередной няни, ты не станешь счастливее. Уйду я – придет другая. А за ней еще и еще. Я знаю, что твоих умений хватит, чтобы испортить жизнь всем им, но...

Я присела на корточки и заглянула девочке в лицо. Маргарита смотрела волчонком и наверняка уже замышляла очередную гадость. Все, что я сейчас скажу, пролетит мимо ушей. В ее глазах это я враг, который посягает на чужую территорию. Захватчица. Придется применить военную хитрость.

– Но признайся честно, я не так проста, как твои предыдущие няни. – Маргарита посмотрела серьезно, но промолчала. Я кивнула. – Пока счет в мою пользу, так ведь? Поэтому тебе придется изобретать новые способы, раз проверенные на меня не подействовали. – Я потянула паузу и заговорщическим тоном предложила: – А что, если сделать это вместе? Давай поиграем в сражение.

Маргарита явно настожила, но в то же время ее голубые глаза практически засветились от любопытства. Ребенку, от которого все отмахивались и откупались подарками, предлагали игру. Разумеется, она заинтересовалась. Но пока, как дикий щенок, не собиралась открыто подходить к человеку и брать угощение из его рук. Ведь это могла быть ловушка.

– Как это? – с напускным равнодушием уточнила Маргарита.

– Квест «избавься от няни за двадцать шесть дней», – подзадоривая девочку, подмигнула я. – Мы по очереди придумываем друг для друга задания и каждый день исполняем их. Получилось – плюс балл, не получилось – минус балл. Через двадцать шесть дней подсчитаем результаты. – Я подняла руку и раскрыла ладонь. – Клянусь, что, проиграв, исчезну из твоей жизни на веки вечные. Исключения в заданиях оговорим. Что скажешь?

Маргарита сверлила меня испытующим взглядом несколько минут, затем коротко кивнула и с угрозой произнесла:

– Если ты обманешь, я тебя страшно прокляну. Я умею! Скажи, ты веришь в проклятия?
Я вздрогнула и нервно улыбнулась:

– Почему ты об этом спрашиваешь? – На ум мне сразу пришли последние события: пожар в общежитии и потерянный диплом. И слова Люськи, что меня точно прокляли. Да, я начинала думать, что бредни про сглазы не такие уж и бредни, но ребенку я об этом не скажу. Зачем пугать девочку? – Нет, не верю.

– Ну и глупая, – обвинила меня Маргарита и, скрестив руки, отвернулась. – И тогда нам не о чем разговаривать.

Я застыла на мгновение: вот же осечка! Надо было признаться, я только-только умудрилась нащупать тропиночку к доверию ребенка, как снова нырнула в заросли собственного эго. Села на скамейку и, качнувшись, осторожно пихнула девочку локтем.

– Ладно, я открою тебе страшную тайну. Только обещай, что никому не скажешь.

Маргарита повернулась и посмотрела на меня так, словно я ей собиралась раскрыть тайну древнего сокровища. Выдохнула:

– Обещаю!

– Даже папе? – с любопытством уточнила я.

Подопечная сжала губы и провела рукой, словно закрывая рот на молнию. Я снова сдержала улыбку и, приблизившись к ее уху, прошептала:

– Меня реально прокляли! Так мне подруга сказала, потому что у меня сгорела комната и все вещи.

Девочка моргнула и посмотрела испытующе:

– Так тебе жить негде, поэтому ты и переселилась к нам, вместо того чтобы приходиться на часы?

Я кивнула, заметив, что взгляд Марго чуточку потеплел. На полградуса, но это уже кое-что! Да, небеса обетованные, это огромный шаг вперед!

Пока я радовалась маленькой победе, девочка, раздумывая о чем-то, покусывала губы. Затем неожиданно подскочила и молча бросилась прочь. Я на миг опешила: что это с ней? Что я сказала? Почему она так испугалась? Боже, зачем я заговорила о проклятии? Типун мне на язык! Но тут же я встрепенулась и понеслась следом.

– Марго, стой!

Заметив, как девочка забежала в один из бутиков, прибавила скорости. Едва вписавшись в поворот, влетела в магазинчик и дико огляделась в поисках Марго.

– Простите, – бросилась к продавщице. – Не видели тут девочку в розовом платьице?

– Эту? – с улыбкой кивнула девушка в строгом черно-белом одеянии и указала взглядом в направлении одной из витрин.

Увидев прилепившуюся к стеклу Маргариту, я облегченно выдохнула и, не торопясь, приблизилась. Придавив желание высказать ребенку, что нельзя убегать от взрослого, отложила разговор об этом. Проследила за взглядом девочки и проронила:

– Красивые кулоны. Ты на них так спешила посмотреть?

– Купи их! – приказала подопечная и помахала продавщице: – Вот этот и этот.

Я едва сдержалась: да что же такое? Совершенно непредсказуемый ребенок! Никак не уговорится. Может, опустошив карточку Лаврентьева, успокоится?

– Хорошо, – осторожно согласилась я и уточнила: – Тогда мы вернемся к нашей сделке?

– Не сомневайся, – заявила Маргарита, и ее улыбка мне очень не понравилась.

Ох, как бы моя затея не вышла боком. Впрочем, какая разница? Этот ребенок будет меня донимать с договором или без, но, если сделка выгорит, я хотя бы смогу потихоньку что-то изменить и, возможно, помочь предоставленной самой себе девочке. Купила украшения и направилась за Маргаритой в следующий закуток. Там оказалась парикмахерская.

Девочка, оперев руки в бока, придирчиво осмотрела мастеров и ткнула в молодого парня:

– Он!

– Этого купить? – без тени улыбки уточнила я.

Мастера недоуменно переглянулись, а Маргарита неожиданно весело отмахнулась:

– Зачем он мне? Садись в кресло!

– Ну уж нет, – невольно отступила я. Волосами жертвовать не хотелось. Я и так с утра чуть не поседела, испугавшись, что Марго изуродовала мне причёску. – На это не пойду.

– Уже не хочешь играть? – лукаво улыбнулась мелкая.

Я поняла, что без жертв все же не обойтись, и обреченно уселась в удобное кожаное кресло, позволила накинуть на себя яркую пелерину и закрыла глаза. Будь что будет!

– Только не рыжий! – взмолилась я. – И не очень коротко.

– Трусиха, – услышала ехидный голосок Марго и посмотрела направо.

Девочка тоже сидела в кресле и взирала снисходительно. Приказала мастерам:

– Мне подровнять кончики и сделать так, чтобы пакля на голове моей няни превратилась в гладкий шелк!

Следующие минуты я провела в блаженстве и неге, отдавшись в умелые руки мастеров. Какие-то невероятные, ошеломительно-прекрасно пахнущие средства, которыми умащивали мои локоны, на глазах превращали меня в модель из телевизора. Если встать и покружиться, уверена, волосы мои будут разлетаться таким же сияющим шелковым золотом, как в самой красивой рекламе шампуня, но шевелиться не хотелось. Осторожные массажные движения ласковых рук расслабляли и уносили в небытие все треволения последних дней.

Я иногда посматривала на Марго и ловила ее испытующие взгляды да кривую ухмылку. Понимала, что все это удовольствие лишь сыр в мышеловке, но решила не портить себе наслаждение в ожидании очередной каверзы. Меня не брили налысо и не красили в зеленый! О большем и мечтать нельзя.

Когда с нас сняли накидки и освободили от одноразовых воротничков, Марго вдруг схватила со столика ножницы и, подскочив, шагнула ко мне. Я и глазом не успела моргнуть, как девочка отрезала прядь моих волос. Отшатнулась в ужасе: вот и расплата! Чертенюк приласкал меня, чтобы ударить? Но тут же одернула себя: отрезанный локон небольшой, а сама Маргарита уже положила ножницы и подняла с пола прядь своих волос.

– Идем уже! – кивнула она мне и покинула салон, оставив мастеров растерянно переглядываться.

Я же провела картой, попутно ужаснувшись цене услуг, да поспешила за подопечной. Та уже нырнула в следующее помещение и поджидала меня с ярко-синим платьем в руках. Пихнула его мне.

– Переодевайся!

– Марго, как же наша игра? – попыталась я вернуться к теме разговора.

Но девочка толкнула меня в сторону примерочной:

– Давай скорее! Или сделка отменяется.

– Истинная дочь своего отца, – тихо пробормотала я, скрываясь за шторой кабинки. И, глядя на себя в зеркале, вздохнула: – А с кого ей еще пример брать? Ладно, подыграем. Должно же быть всему этому объяснение?

Я переоделась и вышла к Маргарите. Когда с карты за платье сняли сумму моего месячного жалованья, похолодела.

– Марго! Ты подешевле маскарадного костюма не могла найти? Все, куклу одела? Или еще что нужно?

– Туфли, – окинув меня придирчивым взглядом, заявила мелкая.

Пока я обреченно примеряла кожаные лодочки, девочка колдовала над кулонами.

– Если ты обманешь, – повторила она, надевая мне один из них на шею, – то я тебя прокляну. Ты уже пострадала и знаешь, что проклятия существуют.

Я посмотрела на девочку с удивлением:

– Ты действительно веришь в это?

– Я знаю, потому что меня тоже прокляли.

Она жестом фокусника открыла свой кулон и показала прядь русых волос, которую срезала с моей головы.

– Вот моя гарантия! – Пока я хватала ртом воздух, кивнула на мой кулон и серьезно добавила: – Как и у тебя. Все честно! – Протянула мне руку: – Начинаем квест?

Я уже справилась с изумлением и, осознав, что девочка не против играть по моим правилам, с трудом сдержала победную улыбку. Маргарита приоткрыла дверцу в свой внутренний мир, и это огромная победа. Конечно, ребенку нужна гарантия, что я не сделаю ей больно, и, если «проклятие» ее успокоит, то я согласна. О чем и заявила:

– Начинаем!

Осторожно пожала ее ладошку. Подопечная подняла на меня свои огромные голубые глаза и произнесла:

– Первое задание. Я хочу идеальный день рождения!

Вот слава мозгам, что я выбрала туфельки на низком ходу, а не встала на шпильки. Я бы точно сейчас с них рухнула. День рождения? Так вот в чем дело! У Марго сегодня день рождения, а собственный отец забил на праздник дочери? Или попросту не вспомнил? Захотелось помочь Лаврентьеву галстук завязать... потуже так.

И Анна Васильевна забыла? Мне стало жаль Маргариту до слез. Неудивительно, что девочка из кожи выпрыгивает, чтобы привлечь к себе внимание. Впрочем, может, это и есть тот самый «праздник», который отец устраивает дочери, – карточку в зубы и пинком в магазины. Ужас!

Я отвернулась и быстро стерла слезинку со щеки, а когда посмотрела на Маргариту, уже знала, с чего начну свое задание. Подмигнула:

– Тогда нам нужны гости!

– Гости? – нахмурилась девочка. – Где же их взять?

– О, – протянула я, – поверь моему опыту, было бы угощение, а гости найдутся! – И помахала карточкой Лаврентьева. – Думаю, я знаю, как применить это с большей пользой, чем покупать ненужные шмотки.

* * *

Через час на первом этаже торгового центра яблоку было негде упасть. Разноцветные шарики, клоуны и огромный торт, который мы с «гостями» соорудили из накопленных пирожных и фруктов. К празднику с удовольствием присоединились и дети, и взрослые, и Анну Васильевну удалось вызвонить из дома. Не хватало только одного человека. Но я знала, что праздник для Марго не состоится даже в такой обстановке, если не прибудет самый главный гость.

А Лаврентьев, как назло, трубку не брал. Я уже готова была ехать к мужчине в офис и захватывать Льва в плен, как Анна Васильевна нашла в стареньком сотовом номер, который босс давал ей для экстренных случаев. Ответил веселый мужской голос. Я к этому моменту была так зла, что досталось и невезучему сослуживцу Лаврентьева, зато представившийся Павлом мужчина передал трубку боссу по первому требованию.

Но тот не стал и слушать, заговорил о пустяках, и тогда я разозлилась окончательно.

– А если пропала ваша дочь, это тоже пустяк?

Конечно, я тут же пожалела о вырвавшихся словах, попыталась исправить ситуацию, но из моих сбивчивых оправданий босс, кажется, услышал только одно – где я сейчас нахожусь. Приказал не двигаться и отключился. Ноги мои дрожали, и я села... Уже по хохоту ребят поняла, что удобный трон – это торт! И громче всех захохотала Марго.

– Ах так! – улыбнулась я и мазнула девочку кремом по носу.

Она завизжала и, схватив охапку пирожных, водрузила мне на красивые блестящие после салона волосы. Безобразие тут же радостно подхватили и другие дети. Мы разделились на два лагеря и, скрываясь за фонтаном, обстреливали противника сладкими снарядами. Родители присоединившихся к празднику детей снимали безумное веселье на телефоны, охранники посмеивались, а руководитель филиала, которому я обещала оплатить приборку, радостно потирал руки: с улицы, привлеченные смехом и яркими шариками, так и валили новые покупатели.

Разумеется, в такой толпе мы не заметили, как приехал сам Лаврентьев. Перемазанные кремом, хохочущие дети уже радостно плескались в фонтане, куда Маргарита заманила и меня. Я не могла налюбоваться ребенком: румянец на щеках, ярко сияющие глаза и совершенно искренняя улыбка преобразили девочку. Она стала настоящей красавицей! Она брызгалась и визжала от счастья. На длинной ленте огромного рулона бумаги Марго оставляли поздравления все посетители, в этот день дочка Льва Сергеевича обрела много новых друзей, и мы с родителями обменялись контактами, чтобы сходить в парк, пока каникулы.

Когда передо мной выросла фигура в классическом костюме, я уже и думать забыла про Лаврентьева, так нам было весело! Поэтому, смеясь, мазнула незнакомца кремом по гладковыбритой щеке. На лице мужчины не дрогнул ни единый мускул. Я хотела привлечь к веселью его ребенка, но малыша не было. Тогда я подумала, что это не один из родителей наших «гостей».

– Любовь Алексеевна? – даже не думая вытирать крем, уточнил мужчина.

Улыбка сползла с моего лица, сердце дрогнуло.

– Кто вы?

– Павел Константинович, – представился он. – Заместитель Льва Сергеевича. Вы мне недавно звонили.

Веселье окончательно схлынуло: неужели Лаврентьев настолько непробиваем, что даже на поиски дочери послал своего зама?

– Понятно, – мрачно подытожила я и с сочувствием посмотрела на Маргариту. Девочка, еще не зная о моем проваленном задании, веселилась с новыми друзьями. Я печально вздохнула: – Марго не пропадала. Я солгала, чтобы вытащить сюда ее отца.

– Я понял, – усмехнулся Павел, и я подивилась, как преобразает его улыбка. Не мужчина, а море обаяния! Он подмигнул: – А вы отчаянная. Боюсь и предположить, что сделает Лев, когда узнает об этом. Он и так сам не свой от ярости, а...

– Так Лаврентьев здесь? – обрадованно воскликнула я и схватила Павла за руку. – Где он?

– Как вам не терпится умереть, – хмыкнул Павел и покачал головой. – Неужели не придумали более безопасный способ привлечь внимание богатого мужчины?

– Мне его внимание не нужно, – нахмурилась я и кивнула на Марго, – а вот дочери его уделять надо, вам не кажется? Хотя бы в день ее рождения!

– Что? – Зам моего работодателя тут же стал серьезным и, выхватив сотовый, открыл календарь. – Черт, вы правы!

– Не выражайтесь! – хлопнула я его по руке. – Здесь дети.

– Вижу, – усмехнулся он и, подмигнув, добавил: – А сейчас будет еще и один до чертиков злой Лев. Готовы поиграть в укротительницу, Люба? Мне кажется, у вас это получится великолепно!

И направился к руководителю филиала.

Глава 6

Лаврентьев рассекал толпу, словно ледокол. Что это за шутки?! Если няня решила поиграть с ним, то она жестоко пожалеет. Не спасут ни добрые отношения с его старинным другом, ни оправдания. Он раздавит эту девчонку! Сделает так, что она не то что не сможет работу найти, так и позаботится об отчислении ее из университета. Гена говорил, что ей осталось диплом защитить. Ну уж нет! Нужно остановить эту безумную сейчас, пока никому не навредила.

Но сначала убедиться, что с Маргаритой все в порядке. Противный внутренний голос твердил, что няня тут может быть и ни при чем, что дочка сама виновата, но Лев был слишком зол и раздосадован, чтобы прислушиваться к доводам разума. Когда увидел Маргариту, то даже застыл на мгновение от облегчения. С ней все в порядке! Дочка играла с другими детьми и смеялась так задорно, как никогда. Лев невольно улыбнулся, злость схлынула. А когда прочитал большую, подвешенную на шариках надпись, – поздравление с днем рождения – тихо выругался. И как он мог забыть?!

Так вот в чем дело? Надо купить дочурке что-нибудь хорошее. Большое! Может, тот домик на дереве, который она давно просила? Да, там небезопасно, но теперь рядом с Маргаритой женщина, которая присмотрит за девочкой. Или отправить их вдвоем в путешествие? Няню тоже надо вознаградить, раз она умудрилась так развеселить дочку...

И тут взгляд Льва упал на Любу. Няня с мягкой открытой улыбкой вытирала лицо Павла салфетками. Зам что-то сказал, и девушка рассмеялась. Выглядела она ужасно: мокрое синее платье прилипло к телу, обрисовывая соблазнительные выпуклости, обтягивая стройные бедра. Павел положил руку на ее талию и склонился к уху, с улыбкой что-то нашептывая. Люба залилась задорным смехом, и Лев, сжав кулаки, угрожающе двинулся к ним.

– Что вы творите?! – нависая над вздрогнувшей и побледневшей няней, яростно спросил он. – Посмотрите на Маргариту. Она же промокла до нитки! Какая из вас няня, если подвергаете ребенка опасности?

– Лев Сергеевич, – пролепетала она, – я лишь хотела, чтобы девочка...

– Простудилась? – не отступал Лаврентьев. – Что за балаган вы тут устроили? Посмотрите на всех этих детей, что скажут их родители?

– Спасибо! – улыбнулась молодая мама, что стояла рядом. – Мой Даня еще никогда не был так счастлив. Боже, он всегда мечтал принять участие в битве едой. Вот сбылось наконец-то. А то, что одежда заляпана, не беда! Прачечная работает, а эта девушка сказала, что все оплатит.

– Оплатит? – нахмурился Лев и требовательно протянул руку. – Карта!

Люба моргнула, но кредитку отдала. Мужчина усмехнулся:

– Пусть платит, я не против.

– И оплачу! – воскликнула Люба. – Я найду деньги, не беспокойтесь. Потому что это не главное в жизни. Да, деньги здорово облегчают существование, но счастья не приносят. – Страх и смущение испарились, и на Лаврентьева надвинулась испачканная в креме фурия. – Вы тратите на дочь огромные деньги, даете что попросит, но главного ей не сможете купить. Радости не сумеете ей приобрести. Счастья! Любовь ей не купите.

– Мою дочь зовут Маргарита, – сухо поправил ее Лаврентьев. – И я способен подарить ей счастье.

– Да ладно? – усмехнулась девушка. – Какое же счастье вы ей дарите? – Она кивнула на карточку. – Пластиковое? Или вы про возможность издеваться над нянями? Покупаете Марго пластмассовых кукол из магазина и живых из агентства, чтобы не отвлекала папу от важных дел. Вы даже забыли, что у дочери день рождения.

– Не забыл, – нахмурился Лев. Признаться в том, в чем обвиняли, показалось ему чересчур унижительным. – День еще не кончился. Я... хотел сделать сюрприз.

– Сюрприз? – растерялась няня и неловко переступила с ноги на ногу. – А утром сказать «С днем рождения, дочка» язык бы отвалился?

– Что вы знаете о сюрпризах? – Ощутив, что выигрывает, Лев иронично приподнял брови. – Идея в том, чтобы именинник думал, что про него забыли.

– Я, – начала было Любовь Алексеевна и опустила голову. – Простите. Я не подумала об этом.

– Вы вообще, похоже, думать не умеете, – процедил Лаврентьев и, поймав осуждающий взгляд зама, нахмурился. – А ты почему еще здесь? Разве я не просил тебя поговорить с адвокатом? Я отвезу дочь домой и вернусь в офис. Чтобы к этому моменту уже был результат!

– Есть, герр генерал, – саркастично взял под козырек Павел и, щелкнув каблуками, развернулся.

Перед тем как уйти, он бросил на переминающуюся мокрую и испачканную няню сочувственный взгляд. Положив ей руку на локоть, что-то проговорил, и Лаврентьеву захотелось отвесить заму пинка, чтобы шевелился быстрее. И так времени потеряли, а он еще с девчонкой флиртует!

– Лев Сергеевич, – чуть не плача, проговорила Люба, – простите, я...

– Папа! – На Лаврентьева налетел маленький мокрый вихрь. Костюм от «Булгари», о котором, как теперь точно знал Лев, администратору сообщил ехидный зам, был безнадежно испорчен. Но дочь смотрела такими сияющими глазами, что упрекнуть в этом язык не повернулся. – Ты пришел! Спасибо! Я и не заметила... Давно ты здесь?

– Достаточно, – коротко кивнул мужчина, – даже слишком. Пора домой, Маргарита. Тебе нужно вымыться и переодеться.

– Не хочу, – вырвалась дочка. – Мне весело! Тут друзья...

– Друзья? – жестко усмехнулся Лев. – Ты про тех людей, которые поглощают бесплатные пирожные и не дарят подарков? Это не друзья.

Маргарита моргнула, улыбка пропала с ее лица.

– Да что же вы за человек такой? – оттащила его в сторону Люба. – Обязательно портить ребенку праздник?

– Я не хочу, чтобы мою дочь использовали, – сухо ответил он.

Девушка, шипя, как рассерженная кошка, возмущалась черствостью босса, а Лаврентьев неожиданно поймал себя на мысли, что хорошо бы слизнуть крем с ее щеки. Сжав челюсти, он отвернулся и, взяв Маргариту за руку, молча направился к выходу. Дочь обернулась и посмотрела на няню с тоской.

– А как же Люба, папа? Мы ее оставим?

– Пусть сначала приберет за собой, – злясь, холодно проговорил Лев Сергеевич.

* * *

Оставив Маргариту дома на попечение Анны Васильевны, Лаврентьев переоделся и вернулся в офис, где уже поджидал Павел. Проигнорировав тяжелый взгляд друга, он спросил о результатах. Адвокат подтвердил, что идею технически воплотить несложно, и предложил несколько вариантов оформления. Погрузившись в обсуждение, мужчины не заметили, как пролетело время.

За окном стемнело, и Лев вспомнил про обещанный «сюрприз». Обещать-то пообещал, а вот как это воплотить в жизнь, и понятия не имел. Да и времени уже не осталось. Павел, пробормотав что-то о планах на вечер, ретировался, и Лаврентьеву пришлось решать проблему самому. Первым делом он проверил список специализирующихся на праздниках фирм, созво-

нился с парой, и уже через полчаса определился с выбором. К его приезду домой все должно быть готово.

Лев улыбнулся: быть отцом совсем несложно. Но стоит проверить, почему не сработало в календаре напоминание про день рождения дочери. Минуту он оторопело смотрел на смартфон: по всему получается, сигнал был, но он даже не заметил, как его отключил. Но ничего! Он исправится и подарит Маргарите столько счастья, что няня никогда больше не упрекнет его в попытках откупиться от дочери.

С этим приятными мыслями, в предвкушении хорошего вечера, Лев закрыл офис и, кивнув охраннику, спустился в гараж. Выезжая на темную трассу, барабанил пальцами по рулю под незатейливый мотивчик, льющийся из радио. Представлять лицо Любы, когда она увидит приготовленный для дочки сюрприз, было приятно. Няня будет извиняться и говорить, что он отличный отец. Лаврентьев улыбнулся себе в зеркало заднего вида и даже легкомысленно подмигнул. Он все отлично придумал!

У дома уже стояли большие грузовики, рабочие раскладывали и надували батуты, устанавливали светомузыку и систему, которая запускала облака сверкающих в свете рампы мыльных пузырей. И посреди этого безумия стояла растерянная Маргарита, вокруг которой толпились переодетые в зверей актеры.

– Папа, – бросилась к нему дочка. – Что это? Мне страшно!

– Как страшно? – удивился Лев и растерянно посмотрел на хмурую Анну Васильевну. – Это же весело?

Женщина отрицательно помотала головой и, обхватив себя руками, неприязненно покосилась на зверей. Один из них, огромный заяц, подошел к Маргарите и возопил хорошо поставленным голосом:

– И у кого тут сегодня день рождения? Кому исполняется семь лет? Тебе, девочка?!

Дочка взвизгнула и уткнулась лицом в папин пиджак. Лев крикнул:

– А ну убирайтесь! – Он подхватил дочку на руки и, прижимая к себе, зарычал на растерянных актеров: – Все! Быстро сворачивайтесь, и чтобы через полчаса духу вашего здесь не было!

Отнес Маргариту в дом и, уложив в кровать, обернулся к пустому диванчику, на котором ночевала Люба. Вышел из детской и заглянул в пахнущую сыростью и резкими ароматами комнату няни.

– Любы нет, – проговорила за его спиной Анна. – Она предупредила, что сегодня ее не будет.

Лев развернулся так резко, что домоправительница отшатнулась.

– Что значит не будет? А где она собирается ночевать?

– Мне это неизвестно, извините, – нервно передернула плечами Анна Васильевна. – Няня сказала лишь, что вернется к восьми, согласно указанному в договоре найма графику.

Лаврентьев сжал кулаки. Где она шляется?! Некстати вспомнилось, как Павел что-то прошептал ей, когда уходил, и... Да! Он точно сунул ей в карман визитку.

– У меня просьба, Анна Васильевна, – шагнул он к домоправительнице. – Присмотрите за Маргаритой, мне нужно срочно уехать.

– Я, конечно, присмотрю-ю, – с трудом подавила зевоту женщина. – Но не задерживайтесь. Я привыкла ложиться рано и могу уснуть у кроватки малышки.

– Не сомневайтесь, – угрожающе прорычал Лев, – я быстро!

Ничего нет сложного в том, чтобы отследить местоположение зама и ввалиться к влюбленной парочке. Заместитель никогда не терял времени с красивыми девушками, но Лев был уверен, что Люба не такая простушка, чтобы так легко растечься липкой лужицей у ног обаятельного Павла и сдать в первый же вечер. Скорее всего, друг пригласил ее на свидание.

Жаль, что на «празднике», который устроила няня, Лаврентьев не подумал о таком развитии событий, иначе сразу бы предупредил зама держаться подальше от Любви.

Даже в мыслях эта фраза прозвучала двусмысленно и жутко раздражающе. Лаврентьев, заводя мотор, резко вжал педаль газа в пол. Сотовый зама, как и других сотрудников его компании, босс мог отследить в любой момент, все подписывали согласие при приеме на работу. И что толку себя корить за то, что не внес этот же пункт в договор с няней? Он и представить себе не мог ситуацию, подобную этой. До Любы никто не уходил из его дома добровольно, девушки старались быть как можно ближе к хозяину.

Согласно данным программы, Павел был дома, и это окончательно вывело Льва из себя. Он вжимал педаль в пол с такой силой, словно это машина виновата в том, что няня оказалась норовистой и, обидевшись, ушла ночевать к Павлу. Эта мысль стала последней каплей терпения: кровь забурилась в венах, казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Лаврентьев добрался до дома зама за каких-то двадцать минут, хотя это совершенно другой район города. Чудом не задавив никого по дороге, он жал на вызов звонка до тех пор, пока дверь не открылась.

Двинув ее коленом, мужчина ввалился и, снеся ничуть не удивленного хозяина в сторону, бросился в спальню. Один вид полусонного друга в черном шелковом халате вызвал желание врезать Павлу в челюсть, совсем как в школьные годы, когда друг увел у него девочку, которой Лев помогал донести до дома портфель.

Друг, завязывая пояс халата, проследовал за незванным гостем и беспокойно спросил, когда тот застыл у кровати, пустой кровати:

– Что случилось?

– Где она? – без обиняков спросил Лаврентьев и, когда Павел приподнял светлые брови, уточнил: – Где моя няня? В ванной?

Он пошел в сторону неприметной дверцы, как вдруг Павел захохотал. Усевшись на кровать, он вытер выступившие от смеха слезы и иронично посмотрел на друга.

– «Твоя» няня или Маргариты? – Покачал головой и хитро сверкнул зелеными глазами. – Ох, дружище, сдаётся мне, что кто-то из нас втюрился. Кто-то из нас, да...

Он поднялся и, приблизившись к Лаврентьеву, шепнул ему на ухо:

– Она была здесь, но, увы, ушла.

– Она тебе нравится? – Лев смерил друга уничтожающим взглядом. – Я же вижу, что нравится!

– Если видишь, зачем спрашивать, – пожал плечами его зам и пошел в гостиную, где плеснул в два бокала золотистого виски и протянул один Лаврентьеву. Тот отказался. Сам же хозяин дома отпил глоток и чуть поморщился. Отставил спиртное и покосился на босса непривычно серьезно. – Похоже, нам снова понравилась одна девушка. Она алмаз, друг. Чистая и сверкающая, как роса на цветке лотоса, притягивает свежестью, завораживает непосредственностью, покоряет умом и сдержанностью. А еще она верит людям. – Он горько усмехнулся. – Как мы когда-то.

Лаврентьев выдохнул – кажется, друг уже накатил до его прихода пару бокалов, поэтому нес околесицу. Развернулся и собрался было уйти, как услышал тихое предупреждение:

– Эту девушку я точно уведу у тебя. Спасу, иначе ты и ее уничтожишь.

Лев застыл на месте, сердце пропустило удар, ладони вспотели. Желание врезать Павлу усилилось, но он знал, почему тот провоцирует босса. Лаврентьев медленно повернулся и серьезно посмотрел на друга.

– Ты же знаешь, что я получаю все, что захочу, – проговорил с угрозой. – Рано или поздно, так или иначе, желанное будет моим.

– Знаю. Но эта девушка особенная. Она видит тебя насквозь, – кисло улыбнулся друг и, опустошив свой бокал одним глотком, хрипло добавил: – Видит, как ты осыпаешь Маргариту подарками, да и сам получаешь все, что захочешь, но это не приносит счастья ни тебе, ни

дочери. Потому что его, как справедливо заметила Люба, не купить! Стоит тебе заполучить эту девушку, ты растопчешь ее, как Светлану!

– Ты пьян, – сухо заметил Лев.

Он развернулся и быстрыми шагами пошел к выходу, а в стену рядом с ним врезался пустой стакан и, разлетевшись на мелкие осколки, посыпался битым стеклом на пол.

– Легче стало? – холодно улыбнулся Лев.

– Да, когда представил, что это твоя голова, – ухмыльнулся Павел.

– И все же, – тихо спросил Лаврентьев, – зачем она приходила к тебе?

– Не скажу, – криво улыбнулся зам. – Пусть тебя это помучает.

Почему-то эти слова успокоили его босса. Злость ушла, раздражение улеглось. Он пожелал другу спокойной ночи и напомнил, что завтра ждет отчета.

– Разумеется, – беззлобно проворчал Павел. – Первым делом фин-отчеты. Ну а девушки? А девушки потом.

Глава 7

– Девонька, тебе еще долго? – спросил меня седой дедуля в форме охранника.

Я посмотрела на его бейдж и под эмблемой торгового центра прочитала имя.

– Степан Емельянович, я постараюсь убраться как можно быстрее, но... – Оглядела царивший беспорядок и, сдержав тяжелый вздох, улыбнулась: – Это не так просто и быстро, как я надеялась. В любом случае, уверяю, к открытию все будет идеально чисто!

Дедуля покачал головой, посмотрел с сочувствием и предложил:

– Давай помогу чем-нибудь.

– Что вы, – открестилась я, – не хочу, чтобы у вас были проблемы. Вам же нужно следить за камерами. Что, если что-то случится, пока я вас тут отвлекаю? Управляющий и так был очень добр, что позволил мне прибраться самой.

– Добр? – удручающе покачал головой Степан Емельянович. – Не думаю. Вызвал бы уборщиц, у нас их целый штат!

– Виктор Дмитриевич и так был слишком добр, – упрямо заявила я.

Охранник, ворча что-то себе под нос, медленно удалился. А я, вздохнув, снова взялась за тряпку. Конечно, я и сама понимала, что поступила неразумно. Надо было согласиться на помощь родителей других детей, но я отказалась. Довольные праздником люди настояли на том, что сами оплатят чистку одежды. И управляющий очень помог. Виктор Дмитриевич приказал уборщице несколько раз пройтись по залу поломоющей машиной. Даже вызвал чистильщика бассейна и не взял с меня ни рубля за его услуги. Говорил, что моя затея привлекла клиентов, и, возможно, они введут подобные детские праздники.

Но вот стены, которые дети умудрились заляпать, приходилось отмывать вручную. И все эти барельефы, выступы и колонны тоже. И не видно конца и края этой ночи, которую я проведу в качестве современной Золушки, ведь неожиданно свалившийся на голову прекрасный принц тоже попытался мне помочь: заместитель моего босса, прощаясь, сунул в карман визитку. Лишь потом я обнаружила, что не только ее. Пришлось ехать к нему домой на такси, чтобы возвратить банковскую карточку.

Почему я так упрямо отказывалась от помощи? Все из-за этого изверга, отца Маргариты! Яростно вытирая подсохший крем, я злилась на Лаврентьева все сильнее. Я столько уже вытерпела в его доме, но отношение ко мне Льва Сергеевича не теплело ни на градус. Даже наоборот! Казалось, что на мои старания он смотрит не как на попытки наладить контакт с ребенком, а как на усилия соблазнить его самого.

– Ну и самомнение у вас, Лев Сергеевич! – заявила я и со всей силы шлепнула мокрой тряпкой по каменному льву, украшающему бассейн. – Не жмет корона? Мантия на плечи не давит?

– Не давит.

От неожиданности я едва не свалилась в бассейн. Кто ответил? Здесь же никого нет! Выронив тряпку, резко развернулась и, увидев Лаврентьева, прижала ладонь к груди.

– Напугал. – Посмотрела на него и возмутилась: – Разве можно так подкрадываться к человеку ночью в пустом здании? У меня едва сердце не остановилось.

Вспомнила, что только что говорила, и, смутившись, опустила на корточки. Пряча пылающее лицо, подняла тряпку и принялась оттирать бортик бассейна. Тут я уже мыла, но босс этого не знает. Спросила глухо:

– Что вы здесь делаете?

– Стою, – ровным голосом ответил Лев.

Я передернула плечами.

– А вы могли бы постоять в другом месте?

– Я вам мешаю? – уточнил он.

– Разумеется.

Я поднялась и направилась к ведру с водой. Бросила туда тряпку и схватилась за швабру. Скрутив отжим, встряхнула так, чтобы брызги полетели в сторону босса. Ехидно проговорила:

– Поберегите свой костюмчик от «Армани».

– От «Булгари», – поправил Лаврентьев.

– Да хоть от «Дольче и Габбана». – Поставив швабру, я раздраженно посмотрела на него. –

Ни костюму, ни вам тут быть не положено. Как вы умудрились проникнуть в закрытый магазин?

– Как и вы, – усмехнулся мужчина. – Через дверь. Охрана в курсе, не переживайте.

– Я переживаю лишь за ваш костюмчик, – съязвила я. – Не хотелось бы тратить на его химчистку еще больше.

Лаврентьев промолчал. Он буравил меня странным взглядом, и я, ощущая растущее напряжение, не выдержала:

– Что вам нужно?

Лев неожиданно снял пиджак и, повесив его на выступ в стене, принялся расстегивать пуговицы на манжетах белоснежной рубашки. Я нахмурилась, наблюдая за странным поведением мужчины, а тот закатал рукава до локтей и, шагнув ко мне, забрал швабру.

– Ваш телефон не отвечал, – проговорил он таким будничным тоном, словно мы находились не в закрытом на ночь торговом центре, а беседовали на кухне. – Я волновался.

Я растерянно моргнула: волновался? Но то, что Лев сделал дальше, повергло меня в еще больший шок. Лаврентьев принялся мыть стену! Я хотела было остановить босса, протянула руку, чтобы отобрать швабру, но одернула себя. Ясно же, что мужчина ощущает себя виноватым и не знает, как извиниться. Ведь, с одной стороны, он босс и признать ошибку перед прислугой для него равносильно унижению. А с другой... Я невольно улыбнулась. Не может он махнуть на произошедшее и забыть. Значит, зачатки совести имеются.

Подавив улыбку, я повернулась к ведру, склонившись, отжала тряпку и принялась вытирать другую стену, иногда посматривая на босса. Работал Лаврентьев молча. Нахмурившись, широкими движениями мыл стену и доставал так высоко, как я бы не смогла. Хорошо, что не придется искать стремянку. Вспомнив про лестницу, которую не удержала, когда Лев упал на меня, я снова улыбнулась.

Чтобы посмотреть на Льва, я постоянно возвращалась к ведру и полоскала тряпку чаще, чем требуется. А что? Да, я зла на Лаврентьева, но могу же полюбоваться на его фигуру? А там было на что посмотреть. Широкие плечи, обтянутые тонкой шелковой тканью, бугрились узлами мышц. Наверняка тренируется. Вот находит же на тренажерный зал время, а для Маргариты едва минутку выделил.

Но какие у него руки! Я застыла у ведра, любуясь на сильные, перевитые венами, предплечья мужчины. Ему невероятно идут закатанные рукава. А без рубашки он смотрится еще лучше. Перед глазами снова возник образ обнаженного Лаврентьева, когда он вышел из душа. Совершенно спокойный, без тени смущения смотрел на меня, даже не попытался прикрыться.

От одного воспоминания щеки снова опалило жаром, и я прижала к лицу ладони. Вместе с тряпкой. Заметив ироничный взгляд Лаврентьева, выругалась про себя и заявила:

– Уже поздно, вам лучше возвратиться домой.

– Я сам решу, что мне лучше, – не прерываясь, проговорил босс. – И домой вернусь вместе с вами, когда мы закончим тут.

– Довольно, – ответила резко и выдохнула, успокаиваясь. – Можете считать, что ваши извинения приняты. И не волнуйтесь, я приеду вовремя, вы не опоздаете на работу. Вы можете на меня положиться, Лев Сергеевич.

Я постаралась вложить в слова всю уверенность и ответственность, на какую только способна. Мне хотелось дать понять Лаврентьеву, что я стараюсь не для того, чтобы привлечь его внимание. Говорить это я уже пыталась, мужчина не слышит. Значит, буду искать такие слова, чтобы он понял меня и перестал относиться, как к легкомысленной девушке.

Лев опустил швабру и обернулся. Мне захотелось укрыться от его пронзительного взгляда, но я не позволила себе ни отступить, ни отвести глаз.

– Извинения приняты? – усмехнулся босс. – Значит, Павел не сумел сдержать язык за зубами, и вы уже знаете, что о вечеринке в честь дня рождения дочери я солгал?

Я промолчала в изумлении: ого, он все же признался? Я жутко разозлилась на Лаврентьева, когда его зам рассказал об этом. Я же искренне считала, что испортила ребенку праздник. Захотелось ворваться в кабинет Льва Сергеевича, вытрясти из него правду, вывести на чистую воду, но я не стала.

Во-первых, рассмеялась, представив себе эту эпохальную картину. А во-вторых, поняла, что работодатель повел себя как подросток. Оказавшись в затруднительной ситуации, солгал. А раз я решила воспитание Маргариты начать с перевоспитания ее отца, то вместо того, чтобы обвинять босса во лжи, стоит ему дать время исправить ошибку. Мне было интересно, как Лаврентьев поступит, и он меня удивил.

– Почему вы отказались от помощи Павла? – неожиданно спросил босс. Я приподняла брови в недоумении, и он пояснил: – Вместо того чтобы вызвать клининговую компанию и заплатить кредиткой Павла, вы предпочли вернуть моему заму карточку и взяться за тряпку.

– У меня с недавних пор аллергия на кредитки, – не сдержала я ехидства, но тут же добавила: – Не считаю карточку помощью.

– Почему?

– Ну, во-первых, я работаю на вас, а не на вашего зама, так зачем мне брать у него деньги? – вздохнула я. – Во-вторых, вы приказали убрать за собой... Мне несложно. Кстати, как вы только что убедились, я никогда не отказываюсь от разумной помощи, Лев Сергеевич, но терпеть не могу, когда от людей откупаются. А особенно от детей.

– Почему вам так не нравятся деньги?

Теперь я пристально посмотрела на босса. Казалось, ему действительно интересно мое мнение. Положила тряпку в ведро и, вытирая кисти рук салфетками, пояснила:

– Мне, как и всем нормальным людям, нравятся деньги. Но я не делаю из них культа. Это всего лишь бумажки, которые мне дают за услуги, и на которые я смогу сделать жизнь более комфортной.

– Вы непоследовательны в высказываниях, – нахмурился Лаврентьев и шагнул ко мне. – Если вам нравятся деньги, почему же вы от них отказываетесь? Почему обвиняете, что я пытаюсь откупиться от дочери?

Я посмотрела на босса и вздохнула: как можно не понимать таких простых вещей? Он же владелец огромной компании. Неужели деньги и власть настолько захватили мужчину, что вытравили веру в людей? Или что-то иное сильно ранило босса, и теперь он доверяет деньгам больше, чем человеку?

– Потому что деньги обычно дают те, кому нечего больше дать, – глядя в глаза, беспощадно заявила я. – Легче всего откупиться бумажками, но при этом вы теряете не только деньги. Вы теряете близких людей, потому что переводите отношения с ними в деловые. Понимаете?

– Нет, – он шагнул еще ближе, – объясните мне.

Обоняния коснулся умопомрачительный мужской парфюм. Лаврентьев практически нависал надо мной, такой сильный, такой близкий, такой сексуальный. О боги, я понимала тех несчастных нянь, которых босс обвинял в непристойном поведении. Мне и самой сейчас захотелось протянуть руки и прикоснуться кончиками пальцев к гладкому шелку рубашки.

Провести по заметному очертанию мышц, обвить шею руками, прижаться щекой и слушать учащенное биение мужского сердца.

Вот только я понимала, что это ледяное сердце босса не будет учащенно биться, если я так поступлю. Хуже того – мои маленькие победы канут в небытие, и Лаврентьев снова будет считать меня охотницей за деньгами. Возможно, мужчина не осознает, какой мощной харизмой обладает, как действует на женщин он сам, считая повышенное внимание заслугой лишь своего богатства.

Я неожиданно для себя посочувствовала боссу и мягко проговорила:

– Отношения – это тяжелый труд. Если вы готовы работать над ними, то любовь в семье будет укрепляться. – Я запрокинула голову и, борясь с желанием посмотреть на губы мужчины, протянула: – Как бы вам объяснить? Допустим, у вас есть сад. Если будете терпеливо полоть траву, сажать семена и удобрять землю, то вырастите красивые цветы. Если нет, то сад ваш засохнет.

– Или я могу заплатить садовнику, – немного подался ко мне Лаврентьев. – То есть няне.

– Можете, – кивнула я. – Но только для того, чтобы садовник помогал вам. Если вы переложите на него всю работу, а сами не будете вкладывать силы и время, то красоту и аромат цветы отдадут только садовнику.

– Почему? Ведь сад мой, – нахмурился Лев.

– Но у вас нет времени, чтобы насладиться им, – тихо проговорила я. – Ведь для этого нужно отодвинуть дела.

– Красоту цветы отдают садовнику? – Губы Лаврентьева скривились в горькой усмешке, от которой у меня сердце кольнуло. – Похоже на правду.

Я ощутила себя неуютно, словно заглянула в чье-то окно и заметила чужую боль. Неужели я своими словами задела мужчину?

– И что может предложить садовник? – серьезно спросил он. – Как вы можете помочь мне? – И тут же предупредил: – Но учтите, что свободного времени у меня почти нет.

Я даже дыхание затаила: это уже была почти победа. Меня признали за специалиста? Спокойно, Люба, Лаврентьев просто дал шанс доказать это. Но я хваткая! И не упущу даже малейшей возможности. И цель не доказать боссу, что не охочусь за его деньгами. Я жажду сделать все возможное, чтобы на свете стало одним счастливым ребенком больше. Я мечтала о такой работе, даже стремилась в Крым, но оказалось, желание можно исполнить прямо сейчас.

– Обещайте сделать все, что попрошу, – хитро улыбнулась я и, когда Лаврентьев нахмурился, торопливо добавила: – Я не отниму у вас больше получаса в день, клянусь. Но эти тридцать минут изменят вашу жизнь.

Он наклонился, словно хотел что-то рассмотреть в моих глазах. Не верит? Сомневается? Думает, что воспользуюсь этим временем для себя? Я затаила дыхание: от его решения зависит, смогу ли я сделать жизнь Марго хотя бы сносной.

Мужское дыхание обжигало мне кожу, я то и дело одергивала себя, чтобы смотреть в глаза боссу, а не на его приоткрытые губы. Блин, как же хочется ощутить вкус его поцелуя! В первый раз я действовала по наитию и сама не поняла, что ощутила, поцеловав Лаврентьева. Да о чем я думаю? Сейчас решается судьба маленькой девочки. Я не смогу оставить след в сердце ее отца, так хоть сделаю так, чтобы там поселилась Маргарита.

– Обещаю, – выдохнул босс.

Его нос едва не касался моего, наше дыхание перемешивалось, а я все смотрела в потемневшие глаза мужчины. Он же сказал это? Мне не померещилось? Или под воздействием чудовищного обаяния Льва я принимаю желаемое за действительное? Покачнулась и спросила:

– Что вы сказали?

Наши носы соприкоснулись, и Лаврентьев с шумом выдохнул, лицо его на миг исказила гримаса, будто от злости. Он подался ко мне, а я испуганно отскочила.

– Простите, это случайно вышло. Ноги дрожат... – Осеклась, подумав, что звучит двусмысленно, и добавила: – От усталости. Это был такой длинный день!

– Вы правы, – хрипло проговорил Лев и отвернулся. – Идемте, я отвезу вас домой.

– Но я не закончила. – Я посмотрела на оставшиеся пятна крема на стенах.

– Я не могу позволить, чтобы мой садовник тратил силы на чужие сады, – насмешливо проговорил мужчина, подошел к стене и забрал свой пиджак. – Я уже вызвал клининговую компанию и предупредил управляющего, что они приедут за час до открытия.

– Когда вы это сделали? – растерялась я.

– Когда понял, где именно вы проводите эту ночь, – сухо ответил Лаврентьев и, взяв меня за локоть, повел к выходу.

У двери смущенно топтался Степан Емельянович. Мой босс всунул ему купюру в руку, и пока старик бормотал затейливые слова благодарности, саркастично косился на меня, словно в ожидании новых гневных тирад о деньгах. Я лишь плечами пожала: о другом же говорила, но, видимо, снова подобрала не те слова. Ничего, я донесу до Льва Сергеевича эту простую истину. Купить можно услугу, но не чувства. Возможно, Лаврентьев не видит разницы между сервисом и любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.